

Гангрел

Дикие и смертоносные

Перевод в сокращении:

Егор Мельников

Вы считаете, что это прозвище принижает наше достоинство. “Диқари”. Вам это кажется шуткой. Но мы знаем, что кроится за вашим смехом. Мы чувствуем ваш страх. Чувствуем вашу зависть. Вы хотите знать, каково это – жить в согласии со своим Зверем вместо того, чтобы подавлять его. Вы хотите знать, каково видеть мир в красном цвете. Каково пробуждаться каждую ночь, зная, что сегодня вас снова ожидает охота, кровь и убийства, которых так жаждет вся ваша сущность.

Иерофант Серинитис

Эта книга:

- Рассказывает историю Тангрел, тянущуюся ещё со времён Древнего Рима и плавно переходящую в тысячелетия вольной жизни среди полей, гор и лесов, разбросанных по всему миру.
- Открывает секреты Красного зова – особой техники, позволяющей Диқарям балансировать на границе между безумием и рассудком.
- Предлагает целую палитру готовых образов для игры.
- Описывает новые Преимущества, родословные, Дисциплины и тайны кланов, которые придутся по вкусу каждому игроку *Vampire: the Requiem*.

Создатели

Авторы: Чак Вендиг и Рассел (Роуз) Бэйли

Разработка: Джозеф Д. Каррикер-младший

Креативный директор: Рич Томас

Руководитель производства: Мэтт Милбергер

Редакторы: Анита Хэйгер и Джейсон Болт

Художественный руководитель: Крейг С. Грант

Дизайн книги: Джессика Муллинс

Иллюстрации: Нед Кокер, Эрин Грант, Крейг Хендерсон, Сара Хайндмарч, Вилле-Вальтерри Киннунен, Джейкоб Масбрух, Питер Морбахер, Эфрем Палаacios, рич Пеллегрини, Мэтт К. Смит, Матиас Шапия, Джон Ван Флит, Дерк Веннеман и Джон Вигли

Дизайн обложки: Джон Ван Флит

Извинения разработчиков

Приносим искренние извинения Джону Ван Флиту за то, что мы забыли включить его в список художников, работавших над книгами кланов **Вентру** и **Дэва**.

От автора

Спасибо моей жене Мишель за то, что она терпела меня, пока я писал о вампирах, охотниках на чудовищ, демонических совах, культистах и других прелестях мира **Vampire**. Думаю, за терпение её можно будет причислить к лику святых — если только она не прикончит меня во сне.

Чак Вендиг

Часть I: Девочка

Я её выследил – как вы и просили. Признаюсь, это было не так уж трудно: после всего, что обрушила на неё судьба, она даже не пытается прятать тела своих жертв. Тем не менее, её саму я пока не видел. Нашёл только дневник. Он лежал на груди покойника в переулке.

Мне не понадобилось много времени, чтобы выяснить имя убитого. Феникс Мэлоун, один из головорезов так называемого Повелителя Червей Руфа Септима¹. Да, все проблемы в последнее время связаны именно с ним.

Не знаю, чем этот Феникс заслужил свою участь, но наша девочка разорвала ему грудную клетку. Одно могу сказать точно: он был преступником. Она всё ещё продолжает отслеживать худших среди худших. И пока она охотится на это отребье, я не тороплюсь её останавливать.

Надеюсь, вы искали именно этот дневник. Прилагаю его к письму.

¹ Один из героев книги *Nosferatu: the Beast that Haunts the Blood*.

Рука у меня на шее

Они похитили Сару и Джека. Даже маленького Джека. Господи.

Я даже не знаю, кто Они. Может быть, это Он. Или Она.

Я так надеялась, что моя новая жизнь их не затронет. Я проехала полстраны, чтобы никто даже не узнал об их существовании. Мне этого не хотелось, однако я искренне верила, что только так смогу их защитить.

Боже, я всё ещё говорю “моя новая жизнь”. Жизнь. Как будто я ещё живу.

Так. Соберись, Элис. Ты знаешь, что происходит, когда ты горячишься. Ах ты ж чёрт, опять мне не нравится то, что я написала. Видите? Я пишу: “горячишься”. Не знаю, касается это только меня одной или всех Сородичей, но когда я злюсь, моя кровь становится горячей. Не в смысле “предельно тёплой” – а *обжигающей*. Как будто в неё добавляют чили и хорошенько взбалтывают.

Ладно, давай разбираться во всём шаг за шагом.

Кто-то похитил Сару и Джека. Мою сестру и её маленького сына. Мне прислали их фотографии. Они сидят на стульях в полутьме какого-то... бального зала? Не знаю. Какое-то крупное и просторное помещение.

С фотографиями я получила письмо. Я разорвала его в клочья, но кое-что осталось. Сейчас запишу сюда пару отрывков. Так...

Ваша сестра и племянник будут оставаться у нас в безопасности. Мы гарантируем их неприкосновенность до тех пор, пока вы, Составитель, будете выполнять наши задачи.

Вот ещё:

У вас один полный год на то, чтобы поговорить со всеми, кто включён в наш список имён.

Список имён. Список сраных имён. Знаете, как называется этот список имён?

Он озаглавлен *Перечень Диких и Смертоносных*. Вдохновляет, не правда ли?

Мне конец. Я слышала истории о неонатах, которые совались на территорию одного-двух старейшин. Мне предстоит сунуть на территории *десятков* старейшин. Прийти и сказать: “Эй, привет, не откроете ли мне пару ваших секретов?” Ну или вроде того.

Я не вернусь. Я это точно знаю. Один из них меня сожрёт, а потом изнасилует моё тело. Или что там Дикие и Смертоносные делают с назойливыми неонатами.

Элис...

Элис!

Заткнись.

Тебе нужно это сделать. Ты *обязана*. У них Сара и Джек. Кто знает, что он с ними готов сотворить?

Он. Я определилась. Это Он. Только мужчина может быть так жесток.

Мне пора собираться в дорогу. Часики тикают.

Полуночные дороги, часть I

Я провела в дороге уже две ночи. Знаете, странным образом это помогает мне чувствовать себя спокойнее. Сосредоточеннее. Может быть, правду говорят, что наш клан создан для кочевой жизни. Как-будто у меня в крови плавает компас, всегда указывающий на точку прибытия.

Я уже увидела своего первого призрака.

Я знала об их существовании с детства. Честно. Один призрак жил у нас дома. Ровно в четыре утра он врубал нам видеоманитофон, и мы просыпались от звука статики. И временами можно было увидеть сияние. Не в смысле “яркое, ослепляющее свечение”, а просто неуловимые прожилки белого цвета, заслоняющие видак. Но и этого было достаточно, чтобы я навсегда усвоила: после смерти какая-то часть нашей личности остаётся в этом проклятом мире.

И всё же я не ожидала увидеть её. Она была похожа на женщину. Стояла на обочине дороги, раскрыв рот в вечном неслышном крике и выпучив глаза. На ней что-то вроде летнего платья – я думаю, в жизни оно было жёлтым, хотя сейчас вся её фигура покрыта стерильно-белым цветом с голубоватым отливом. И если как следует вслушаться, из её рта доносится что-то вроде далёкого эхо автомобиля. Наверное, кто-то сбил её ребёнка прямо у неё на глазах – или вроде того.

И знаете, что меня поразило больше всего? Её эмоции. Большинство из нас почти не способны выражать чувства. У нас их практически нет. А она – женщина, умершая так давно, что на самом деле её здесь даже нет – выглядела живой. Настоящее буйство эмоций.

Такое впечатление, что когда мы умираем, у нас остаётся выбор: оставить тело, но не эмоции, или эмоции, но не тело. Нельзя сохранить и то и другое.

Точка в истории

Моё первое интервью. Я могу это так называть – интервью?

Этот парень историк. Если я правильно понимаю, у него не так много причин меня избегать. Может быть, он даже не причинит мне вреда. Надеюсь, он не заметит мой страх. Говорят, некоторые из нас чувствуют страх, словно запах плохих духов.

Элис Сьюэлл: Спасибо. За то, что согласились встретиться.

Р.К. (оставляю без расшифровки!): Бросьте. Вы так молоды.

Э.С.: Скоро мне будет тридцать.

Р.К.: Я говорю о Реквиеме. По меня говорят, что мне чуть меньше сорока, хотя суммарно я провёл на земле почти восемьдесят. Первые сорок лет моей жизни – человеческой жизни – для Сородичей ничего не значат.

Э.С.: А. Тогда мне меньше двух. Меня Обратили в начале прошлого года. Мои заметки говорят, что вы историк. И довольно известный.

Р.К.: Это правда. Среди Драконов меня называют *мартор окулис*, что значит “очевидец”. Строго говоря, я не так уж много видел собственными глазами, однако я изучаю нашу историю куда старательнее, чем большинство Сородичей. Кстати, позвольте дать вам бесплатный совет: не показывайте страха.

Э.С.: Простите?

Р.К.: Я научился читать людей. И многие из нас умеют это не хуже, а то и лучше меня. Вы боитесь, и это видно. Особенно это умеют Тени. Мой друг из клана Мехет чувствует страх не хуже пчёл или гончих. Правда, он и сам знаком со страхом не понаслышке. Видите ли, у него нет тени. Вообще нет. Зато что-то похожее на его тень преследует его по пятам. Вот это жуть, не правда ли?

Э.С.: Не совсем понимаю, о чём вы.

Р.К.: Вы притворяетесь наивной, думая, что так от вас будут меньше требовать. Увы, Элис, это лишь раззадорит большинство Сородичей. Для многих страх подобен мощному афродизиаку. Для других страх подобен капле крови в бухте, полной акул.

Э.С.: Отлично, спасибо за совет.

Р.К.: О, это сарказм! Хорошо. Остроумие и гнев помогают бороться со страхом. Ладно, давайте к делу. Я знаю, что вы, Дикари, обожаете прямолинейность. Что вы хотите знать?

Э.С.: Откуда мы? Весь наш клан?

Р.К.: Это может занять некоторое время.

Э.С.: Как выяснилось, это единственное, что у меня есть.

Р.К.: Прекрасно. Как говорится в любой умной книге, давайте начнём с самого начала. Но прежде всего позвольте мне пояснить, что я не выражаю свою точку зрения. Я говорю о том, что сохранилось в летописях. Хорошо?

Э.С.: Справедливо.

Р.К.: Сначала Дикари были людьми. Затем они стали зверьми. Потом стали монстрами. А затем рабами. В первые ночи Римской империи сама римская цивилизация была факелом, пылающим в темноте. Её свет был полон неукротимой мощи, истины и, казалось бы, безграничной власти. Но в

тёмных лесах за пределами Римской империи жили голодные Дикари. Варвары, если угодно. Современные историки любят приписывать им некий аналог культуры и даже цивилизации, однако варвары были варварами. Они делали то, чего им хотелось: а помимо пищи и некоторых других жизненно необходимых ресурсов им хотелось секса. Но многие из них совокуплялись не только друг с другом. Они вступали в союзы с животными. С волками из леса. С простыми собаками. С гордыми оленями. С кабанами и медведями.

Э.С.: Вы это серьёзно? Они трахали *животных*?

Р.К.: Можете сколько угодно таращить глаза, но сегодня уже почти достоверно известно, что сифилис пошёл от североевропейских охотников, которые ритуально совокуплялись со скотом, чтобы “освятить” свою власть над животными. Что касается варваров, то они и вовсе поклонялись многим из этих животных. Совокупление с волком или оленем было не актом деградации – в их глазах, разумеется. Оно было актом обожествления. И иногда эта связь приводила к рождению детей. О, это не были обычные люди. То были кровожадные твари, которые видели мир в чёрно-белой палитре и слышали, как пробегает мышь на другом конце поселения. А ещё они любили кусать людей – и каким-то образом их способности передавались жертвам.

Э.С.: Это... соответствует действительности?

Р.К.: На мой взгляд – и это уже моё личное мнение, – логики в этих летописях не так много, как мне бы хотелось. Давайте проясним: мы с вами исходим из разных кланов, однако все мы принадлежим к одному... биологическому виду, если так можно выразиться. И утверждать, что каждый из наших кланов произошёл из совершенно разных источников, было бы так же странно, как предполагать, что одни люди произошли от обезьян, а другие от дельфинов.

Э.С.: Согласна. И какова же ваша теория?

Р.К.: Это не теория. Это практически факт. Точкой отсчёта в существовании вашего клана я считаю событие, описанное в дневнике римского *эквита* – то есть “всадника” – по имени Гней. Гней был не просто всадником. Он был воинов Легиона мёртвых – большого военизированного крыла Камарильи. Во время одной из схваток он получил укус от какого-то варварского Сородича. Его благородная кровь, кровь эквита – а я уверен, что и кровь Вентру – перемешалась с грязной варварской кровью. И его будущие потомки получили уже не кровь Вентру. Они получили варварскую кровь Гангрел.

Э.С.:....

Р.К.: Дикари являются более слабой ветвью клана Вентру. Надеюсь, я не задел ваши чувства? Разумеется, у меня есть причины возвеличивать собственный клан, однако я говорю это как историк. Гангрел – варварская династия Вентру.

Э.С.: Э, хорошо.

Р.К.: Первое время Гней и его потомки пытались вести жизнь на окраинах Рима, подобно любым другим варварам. Однако Гней помнил о величии Камарильи. Взоры его детей всё чаще обращались на узкие тёмные улицы, на которых ютились смертные. И Дикари предприняли то, что и можно ожидать от Дикарей. Они пошли войной на почти безграничный источник еды. Само собой, они недооценили мощь Камарильи – и мудрость Сенекса.

Э.С.: Сенекса?

Р.К.: От латинского слова “старец”. Сенекс – мудрейший правитель Камарильи. Это не имя – звание. Сенекс считался воплощённой волей всей Камарильи.

Э.С.: Придётся поверить на слово.

Р.К.: Спасибо. Итак, во времена Гнея вампирами Римской империи правил по-настоящему мудрый Сенекс. Вместо того чтобы казнить всех варваров, он обратился к ним с предложением. Они станут верными воинами и солдатами Камарильи – теми, кто будет выполнять самую грязную и опасную работу. Взамен им позволят охотиться на людей наравне с другими, более достойными Проклятыми. К счастью для будущего клана Гангрел, мудрым оказался и Гней. Он вспомнил холодные леса, в которых ему и его потомкам приходилось скрываться всё это время, и понял, что даже роль низших слугителей Рима предлагает ему куда больше, чем роль голодного властителя гор и лесов. А теперь позвольте коснуться ещё одного момента, который может быть неприятен вам как наследнику крови Гангрел.

Э.С.: Жду не дождусь. Позвольте угадать: мы развращали детей?

Р.К.: Будьте серьезнее. И нет, ничего столь ужасного. Однако, судя по летописям, мужчины из варварских племён вступали в соитие с лесными хищниками: волками, барсами, медведями и другими земными животными. Что касается женщин, то они отдавались созданиям с небес. Особенно совам и воронам. То, что рождалось из их утробы, было ещё более диким и смертоносным, чем Гангрел. Этих созданий, своим свирепством превосходившим даже вампиров, в Риме именовали *Стрикс*. В славянских языках они были известны как *стрыги*, *стрега* и даже *лилиту*. Известны и описательные названия: совиные девы, душеедки, телокрады. Они стали настоящей чумой для Рима, включая своих братьев среди Дикарей. Мёртвому легиону удалось их победить незадолго до того, как Камарилья обрушилась под собственным весом.

Э.С.: И эти... совиные демоны... они вымерли?

Р.К.: Все до последнего. Что не может не радовать.

Э.С.: Но эти стрыги – одни из нас? Какие-то наши дальние родственники?

Р.К.: Не “наши”, а...

Э.С.: ...а мои. Родственники Дикарей.

Р.К.: Именно.

Э.С.: Хорошо, я услышала ту часть, в которой люди становятся зверьми, а звери чудовищами. Когда мы становимся рабами?

Р.К.: Позвольте спросить, как у вас с высшим образованием?

Э.С.: Э, присутствует.

Р.К.: Действительно?

Э.С.: Я не успела закончить. Незадолго до смерти завалила важный экзамен, потом связалась не с тем парнем. Он меня с наркотой познакомил. Своего сира я не знала, но если бы не ширялась, возможно, ничего бы и не было. А мой друг...

Р.К.: Элис, Элис! Я не ваш биограф.

Э.С.: Простите.

Р.К.: На вашем месте я бы вообще не распространялся о своём прошлом. Каждый элемент вашей прежней жизни может быть использован кем-то из нас. В своих целях, конечно, не в ваших. И хотите ещё совет? Я бы научиться лгать.

Э.С.: Поняла. Спасибо.

Р.К.: Да забудьте... Хотя, если подумать, именно *забудьте*. Не упоминайте об этом. Не хочу, чтобы кто-то узнал, что я был полезен для одного из вас. Теперь: рабы. Для начала вы должны понять кое-что. Вопреки современным заблуждениям, Рим не так дурно обходился с рабами, как большинство других цивилизаций. Многие рабы проживали хорошие жизни. С ними редко обращались как со скотом. И мудрый хозяин был добрым хозяином. Таким хозяином был и Сенекс.

Э.С.: Старец. Он нас поработил?

Р.К.: Он вас одомашнил. Как и собаки, Дикари были преданны. Их обучали служить, калечить и убивать по приказу Рима. И их это совершенно устраивало. Но, как и собаки, Дикари легко могли обратиться против собственного хозяина. В отличие от людей, у собак нет моральной прослойки между служением и нападением. Это человек может сначала служить, потом начать разочаровываться, потом подавать первые признаки недовольства, потом угрожать и только потом – нападать. Собака верна до тех пор, пока что-то не заставляет её вас укусить. Никаких пауз. Никаких прослоек. Дикари были такими собаками. Они верно служили Камарилье, пока не увидели возможность захватить Рим. Точнее, им так показалось. Камарилья их одолела. Хотя вскоре после этого развалилась сама.

Э.С.: Теперь мы ещё и собаки.

Р.К.: Не каждый из вас по отдельности. Не вы, Элис. Но как клан со своей историей и культурой? Да.

Э.С.: Отлично. Так что же случилось с нами после восстания?

Р.К.: Вас отогнали. Вас *отпустили*. Вы убежали в лес, одурманенные свободой. Вы воссоединились с волками и варварами. В этом, на мой взгляд, и заключается величайшая слабость вашего клана, которую я искреннее призываю в себе перебарывать. Вам *неудобно* в цивилизованном обществе. Вам мешает слишком чистая шкура.

Э.С.: Если чистая шкура мешает, почему бы не дать Дикарю поваляться в грязи?

Р.К.: Любопытно. Вы так молоды – и уже так думаете?

Э.С.: Я не знаю. Я просто сказала первое, что пришло в голову.

Р.К.: Подумайте, Элис. Серьёзно подумайте. Потому что если вы не будете перебарывать в себе это варварское начало, однажды я встречу вас где-нибудь на безлюдной дороге и увижу, как вы лакаете кровь из лужи, стоя на четвереньках. Найдите время и подумайте. Не хочу, чтобы вы спали в земле и охотились на крыс и детей.

Э.С.: Охотились на детей! Так и знала, что мы дойдём до жестокого обращения с детьми.

Р.К.: Это вы сказали, не я. Ладно, у меня встреча. Встреча умов, так сказать.

Э.С.: Какой-нибудь Дракониий круглый стол?

Р.К.: Встреча с Примогеном. Недавно я позволил себе саркастическое замечание в адрес кое-кого из Советников. Теперь от меня ждут подробной генеалогии всех вампиров в окрестных доменах. Я буду улыбаться, кланяться и подтверждать чистоту их крови. Мы все рабы, дорогая. Этого не нужно стыдиться. Просто некоторые из нас – рабы собственных инстинктов.

Истина

Срань Господня! Кто-то прилепил конверт с этим письмом на дверь моего номера в отеле.

Вот тебе истина, которой ты хочешь, тупая сука. Ты же не думала, что мы не будем за тобой наблюдать? Ты попёрлась за истиной к какому-то малолетнему Лорду? Хочешь истины – вот тебе истина. Когда земля была молодой, по ней бродила Праматерь. Она охотилась на людей и усеивала их костями своё огромное страшное логово. Когда она натыкалась на сильнейших среди сильнейших, она поедала и их – но им она отдавала часть своей крови взамен на ту, которую забирала. Ты хочешь узнать, как она сама появилась на свет? Пошла ты в задницу – вот как она появилась на свет. Откуда появилось солнце? Откуда луна? Откуда природа, ветер и звёзды? Это не имеет значения. Всё это просто есть. Солнце испепеляет нас – вот что имеет значение. Луна освещает нам путь. Праматерь даёт нам жизнь.

Как её зовут? Никак её не зовут. Дай её любое имя: Праматерь, Ехидна, Кровавая сука, Рамона-мясоедка, Мать монстров – всё это просто слова. Ищи мудрости в её учении, а не в словах наших младших братьев Вентру.

Да, ты правильно прочитала. Лорды не столь уж и благородны. Один из нас звался Агноном. Он тоже был Дикарём, но считал себя лучше других. Она считал себя сливками, плавающими на молоке, хотя на самом деле был просто симпатичным куском дерьма в общей сточной канаве. Он носил лучшие одеяния и говорил изящные словеса. Но когда никто не видел, он жрал животных, и чем грязнее, тем лучше. Крыс, насекомых, воронов – всё он тащил в свой маленький симпатичный ротик.

Это как люди, рассказывающие, будто они не пьют, не курят и не трахаются, на самом деле тайком закидываются таблетками, суют члены в грязные мышеловки и пьют самую крепкую водку, какую найдут. Так и он. Он стал первым Лордом. Но он оставался Дикарём. И все его потомки – такие же Дикари, только прячущие свою сущность от окружающих. Поэтому они и слетают с катушек. Пока мы открыто выплёскиваем эмоции, они осуждают нас в своих мраморных залах. Когда все отворачиваются, они творят всё, чего лишали себя при посторонних.

Но мы не просто Дикари. Мы не Дикари в том смысле, в котором Дикарями можно было бы назвать смертных. Мы грёбанный следующий шаг. Мы звери среди зверей. Наша Праматерь поёт великую песнь очищающей ярости, которую слышат лишь те, кто готов выпустить Зверя наружу.

Мы её дети. И мы любим нашу Мать. Ты тоже должна её полюбить, иначе останешься глупой сукой.

Захочешь – приходи ко мне. Оставь записку или нарисуй граффити под дорогой I-95. Мы тебя найдём.

Мишень

Прекрасно. Сейчас встанет солнце, а я беспокоюсь о том, что все вдруг узнали, где я сплю. Потрясающие. Вот проснусь и обнаружу, что у меня в сердце торчат ножка деревянного стула. Хотя я, конечно, тогда вообще не проснусь. Ладно, знаете, мне уже всё равно. Осталось разве что мишень у себя на груди нарисовать. Почему нет?

Полуночные дороги, часть II

Город называется Джейн Доу. Слышишь меня, дорогой дневник? Джейн Доу. Ты можешь в это поверить? Я видела два-три города с названиями, придуманными, наверное, на ночном горшке (Бэт-кейв, Брачная ночь, Птица в руке). Но Джейн Доу? Они вообще старались?

Всё в чистоте. Никакой тебе грязи, никаких им на асфальте. Безукоризненные витрины. Дома тоже: каждый с покрашенными стенами, с частоколом и с таким ровным газоном, что можно подумать, будто они наняли маленьких белочек, которые стригут его маленькими беличьими ножницами.

А потом я подхожу к автобусной остановке и вижу первое граффити. Безобразное такое. Уродливое. И его рисует прямо у меня на глазах какой-то человек. Я сначала подумала – хулиган, какой-нибудь прыщавый подросток, – а потом этот хулиган уронил баллончик и когда поднимал, повернулся ко мне. И я увидела женщину средних лет с заплаканными глазами. Простую домохозяйку. Она попыталась мне улыбнуться и как-то так махнула рукой: ничего, мол.

Домохозяйка. Разрисовывала. Забор. Наверное, даже в таком чистом и идеальном месте находятся те, кто хочет выпустить свою дикость наружу.

Древние и безжалостные

Её зовут Гильда. Она показалась мне доброй. Сочувствующей. И похожей на меня.

Когда она предложила мне стакан тёплой крови, я подумала: о, первый гостеприимный Дикарь в моём списке. Конечно, это была ловушка. Уже спустя пару минут у меня в голове всё пустилось в пляс. На протяжении всего разговора я едва шевелилась. За всё интервью я практически не произнесла ни одного членораздельного звука. В приложенной здесь расшифровке вы не найдёте ни одного моего слова, потому что, честно говоря, я их и не произносила.

Гильда творила со мной что хотела. Взяла пустой стакан у меня из рук, положила на землю и раздевала весь разговор. К моему удивлению, она так и не сделала ничего по-настоящему жуткого, однако щупала меня в разных местах, как врач-экспериментатор. Под конец вырвала у меня пару волос и надрезала язык. А потом вставила мне в зубы билет на самолёт и пошла восвояси, оставив лежать обнажённой безо всякой защиты от солнца или... других существ.

К счастью, мне удалось восстановить силы ещё до того, как начался рассвет.

Я ненавижу того, кто заставил меня всем этим заниматься.

Гильда

Ты пришла куда надо, Алекс. Что, прости? Элис? Элис. Хорошо.

Я рада, что ты пришла ко мне, Элис. Потому что я многое знаю. О, я не самая дикая, безумная и жестокая Дикарка в домене, но я бывала в таких местах и встречала таких Сородичей, что если начну о них рассказывать, кровь сама свернётся в твоих жилах. Как желатин на блюде с подливкой, если поставить его в холодильник. Видишь, я не такая старая. Я всё ещё помню подливку. Словом, расслабься, ладно?

Если верить письму, ты ищешь сведения об “известных личностях” среди Гангрел. Всё так? Прекрасно. Я расскажу тебе всё что знаю. Такая уж я натура. Люблю делиться.

Нечисть

Наверное, с неё начать лучше всего. Живая легенда нашего клана. Или, если поиграть словами, то неживая. Все о ней знают. Правда, все постоянно что-то додумывают, потому что мало кому известна правда. Но я видела её собственными глазами. Нет. Я с ней не говорила.

Секунду, тебе удобно в этой куртке? Нет, это симпатичная куртка, но давай-ка мы с тебя её снимем. Мне больно видеть, как она ограничивает твои действия. Это... не по-нашему. Сейчас тепло. Даже в ноябре бывает тепло.

Итак, Нечисть. Никто не знает, почему она так себя ведёт. Но время от времени она прекращает своё кочевое... как бы сказать – паломничество? Прекращает паломничество и заглядывает в ближайший домен. Она просто бродит по улицам в своей длинной куртке с плащом, закрывающим уродства её тела, в ковбойской шляпе, натянутой так низко, чтобы никто не видел её бисерные чёрные глаза – во всяком случае, поначалу. Посмотрев на домен, она идёт прямо в Князю, или Халифу, или Ликтору, или кто там правит очередным городом.

Она позволяет Князю, его Примогену и даже Шерифу повеселиться за её счёт. Они говорят ей, что их не устраивает, и она творит всё что душе угодно, хотя бы отчасти ориентируясь на желания местных правителей. Она убивает бунтарей. Она отправляет в торпор старейшин. Она поджигает

убежища и срашивает врагов друг с другом, заставляя их перейти от скрытого противостояния к явному.

А потом они её отпускают. Во-первых, потому что никто не хочет переходить ей дорогу, а во-вторых – и это самое главное – она никому неизвестна. То есть её, разумеется, знают все, но никто не в курсе, что она вообще посещала домен. Те, кто успели узнать в ней Нечисть, обычно не доживают до следующей ночи.

Я видела её в одном из доменов, когда путешествовала по окрестным городам. Я помню, что только что сказала, будто никто не доживает до следующей ночи. Исключения случаются. Иногда она позволяет местным Драконам взять у неё одно-два интервью. Иногда она даже сходит с некоторыми Сородичами, позволяя им видеть её лицо и эти костлявые птичьи руки.

У тебя глаз задергался или мне показалось? Да, я сказала про птичьи руки. Ага. Ладони у неё морщинистые, но ещё человеческие. А вот вместо пальцев – вороны когти. Длинные, как... не знаю, просто длинные. Вот такие.

Элис, я всё ещё чувствую, как от тебя исходит тепло. Это не по-нашему. Могу я снять эти ботинки? Симпатичные, кстати. И носки тоже. У тебя красивые ногти – красишь?

О чём я там? Птичьи руки. На это её связь с воронами не заканчивается. Когда ей хочется – и особенно когда ей *нужно*, – она созывает к себе всех местных ворон. Или, может быть, создаёт их из ниоткуда – не знаю. Может, она вообще носит внутри своей крови стаи каких-нибудь колдовских ворон. И когда ей этого хочется, она выпускает наружу столько ворон, что они закрывают всё небо. Или влетают в убежище её жертвы, ломая двери и разбивая окна. В этом есть что-то библейское.

У каждого своё мнение насчёт Нечисти. Кто-то считает её дочерью Дракулы, или невестой Дракула, или сиром Дракулы, или самой Сатаной в женском обличье. Опять же, каждый говорит что-то своё, потому что никому не известно, откуда она взялась.

Но вот моя любимая теория. Она не просто одна из нас. Она и есть мы. Она сотворила нас в первые, самые чёрные ночи, что отравляли жизнь смертным на заре современной истории. Аколиты что-то там говорят о Праматери всех чудовищ. Я думаю, если они хотят увидеть свою Праматерь, им просто нужно связаться с Нечистью – или дожидаться, пока та сама заглянет к ним в домен.

Её личная секта

Ага, у неё есть личная секта. Ну или культ. Не в смысле – “отдельная организация со своим кодексом”, а просто огромная группа Сородичей, тянущихся за ней хвостом. Некоторые, как и я, считают её прародительницей нашей расы. Другие верят, что Нечисть – просто какая-то первобытная сила, похожая на Дикарей. Кое-кто даже предполагает, что она достигла Голконды, но не того просветлённого состояния в духе буддистской Нирваны, о котором говорят отдельные Проклятые, а абсолютного слияния со своим Зверем. Если угодно, она обрела обратную сторону Голконды.

Шеруф

Ты всё ещё носишь бюстгальтер? Элис, ты же не так глупа. Тебе больше не нужен бюстгальтер. И сразу по двум причинам. Во-первых, хватит цепляться за свою прежнюю жизнь. Я уже говорила эти слова, но это не по-нашему. Это слишком по-человечески.

Ты, наверное, помнишь свою семью? И какого-нибудь питомца, собачку или котёнка с забавным именем вроде Лаки? Или хомячка, которого ты называла Мистер Щелкунчик? Когда-то и я это помнила. Сейчас уже нет. Если угодно, я помню о том, что когда-то я это помнила.

Мы Дикари, красавица. И мне нравится, что нас так называют. *Дикари*. Дикари живут посреди дикой природы, а когда забираются в оплоты цивилизации, будь это города смертных или домены Сородичей, они творят в них всё, что хотят. Оставь цивилизацию с её куртками и бюстгальтерами простым смертным. У нас есть кровь, джунгли и звери.

А вторая причина – по сути, единственная *настоящая* – заключается в том, что тебе не нужен бюстгальтер, чтобы подчёркивать свою сексуальность. Хочешь, чтобы у тебя были большие сиськи? Сосредоточься. Закрой глаза, сожми зубы и заставь кровь наполнить твою грудь. Это произойдёт не сразу и не задержится надолго, но у тебя будут вот такие вот две красавицы. Помаши ими перед каким-нибудь дальнбойщиком и замани его на обочину.

Поэтому давай-ка обойдёмся без этого бюстгальтера. Спасибо, Элис. Ты просто умница.

Ты хочешь знать о Шеруфе? Моргни один раз, если хочешь, и два, если нет. Это были три раза, Элис, так ты мне не поможешь. Ладно, давай всё равно расскажу тебе о Шеруфе.

У нас огромная устойчивость к боли, Элис. Некоторые виды оружия нам вообще не вредят. Я видела, как Дикари получали удар латунным кастетом в челюсть и улыбались своим врагам спокойной кровавой улыбкой. Я видела, как один Гангрел сломал своим телом нож, когда его ткнули в живот остриём. Просто пошёл на нож и согнул его, пока тот не лопнул. Ты, может, видела, как Дикаря прошивало пулей насквозь, а он этого и не замечал.

Но позволь мне сказать, и сказать уверенно: Шеруф круче нас всех. Он живёт в вулкане. Нет, я его не видела, но подбиралась достаточно близко, чтобы поверить в эту историю. Он живёт в вулкане и ждёт, пока местные приведут к нему жертву. Он любит девственниц. Всего трёх-четырёх за год: ему не нужно так много крови, как большинству из нас. Не знаю, как он этого достиг – наверное, что-то типа Голконды. Или обожествления. Или трансцендентности, о которой болтают Драконы.

Словом, туземцы поклоняются ему как Богу. Раз в четыре года они приводят к нему девушку и оставляют её на растерзание этому монстру. Никто не видит, как он питается, однако наутро у подножия вулкана можно увидеть её голову.

Как я уже говорила, я побывала у этого вулкана. Видела, как туземцы уводят тринадцатилетнюю девочку в тёмную яму, которая служит им чем-то вроде храма. Они покрывают её красками с посланиями своему богу. А потом подводят к вулкану и заставляют подняться наверх. Я было последовала за ней, но не успела, потому что вскоре услышала её истошные крики. Они висели в воздухе ещё пару минут. А к концу ночи я уже видела, как местные уносят её голову. Перевернутую, на куске плоского чёрного камня. Рот открыт. Язык заморожен – не скажу, почему. Глаза превратились в пепел.

Я никогда это не забуду.

Яра-а-иха-ху

Ещё двух чудовищ я видела собственными глазами. Я ним даже поговорила. Первого зовут Яра-а-иха-ху, и он живёт в далёкой Австралии. Я древнюю Грету ты можешь сама повидать в Филадельфии, хоть и не буду тебе этого рекомендовать. Прости, здесь я должна на секунду остановиться и похвалить свой вкус в выборе нижнего белья.

Многие из нас забывают о личной гигиене. И со временем мы становимся весьма отвратительными. Если веками пить кровь и не чистить зубы, запах будет такой, что птицы будут падать с деревьев. Но ты? Твои волосы пахнут... что это, жасмин? А кожа пахнет мылом. Нормальным, здоровым и свежим мылом. А тут ещё и эти тонкие трусики. Очень мило. В этом я полностью одобряю твой выбор.

Однажды мне нужно было попасть в Австралию, чтобы встретиться с Яра-а-иха-ху. Можно я буду называть его Яра? Можно. Отлично. Яра живёт в такой заднице мира, что встретиться с ним оказалось весьма затруднительно. Когда я всё-таки добралась до его лесов, выяснилось, что слухи не лгали: Яра – один из тех Дикарей, которые приспособились к жизни в природной глуши.

Сам Яра – абориген. Очень маленький, кстати. С широким улыбчивым лицом и большущей лысиной. А в его глазах нет никаких зрачков – они белые, как звёздный свет. Но наибольший интерес представляют его руки и ноги. На каждой ладони и каждой стопе у него отрасли по рту. Зубастому, человекоподобному рту. С изогнутыми, крючковатыми зубами.

Неважно, о чём мы с ним говорили, но позже он рассказал мне, что у него не всегда было пять пастей. Он их отрастил по собственной воле. Когда ему нужно подкрепиться, он ищет жертву и обхватывает её всеми четырьмя конечностями, заодно впиваясь в неё и ртом. Знаешь, как осьминог. И каждый рот высасывает из жертвы все жидкости – от крови до желчи, слюны, спермы, костного мозга и материнского молока.

Яра иногда любит играть со своей едой. Он нападает. Он пьёт. Потом он её отпускает и ждёт, пока она шатающейся походкой доберётся до самых границ безопасного места. Например, если это человек, решивший попутешествовать по диким землям, он ждёт, пока жертва дойдёт до шоссе, надломленным голосом умоляя помочь ему. Разумеется, никто, кроме Яры, его не слышит.

Тогда, незадолго до восхода солнца, Яра настигает его вновь и лишает последнего шанса на спасение. Зачем ему это? Затем, что ему нравится быть жестоким. Правда, он на удивление добродушен при встрече с другими Сородичами, потому что считает нас единой семьёй. Он абсолютно уверен, что Дикари и даже другие Проклятые не должны быть врагами друг другу. Мы – племя. Дикарское, но всё же племя.

Это у меня фантазия разыгралась, или ты наполняешь кровью свои соски? У тебя прекрасно получается. Каждый размером с фалангу младенца. Красный, как будто тебя молотком ударили. Я потрогаю? Мм, ты почти не реагируешь, когда я их выкручиваю. Но всё же твои глаза немного сощурились, а челюсть напряглась. Наверное, тебе приятно? Мне тоже.

Так! Грета.

Грета

Грета, Грета, Грета... Грета владеет северной частью Филадельфии. Просто *владеет*. Не как царь своим государством, а как хищник – своим логовом. Ты туда сунулась, ты ей не понравилась, ты умерла. А если понравилась – добро пожаловать на душевную беседу.

На севере Филадельфии, как тебе известно, живут в основном чернокожие. Грета – белая. Бледнее лунного света. И все о ней знают, потому что о ней говорят шёпотом, как о какой-нибудь Кровавой Мэри. И все понимают, что если произнести её имя громко, она это услышит. Хоть за милю. Она услышит, и она придёт.

С ней можно договориться. Даже если ты смертный. Что? Маскарад? Да, иногда среди филадельфийских Проклятых возникают волнения, и какой-нибудь старый дурак посылает к ней очередную котерию неонатов. Их головы она пришлёт обратно следующей же ночью. Но их души навсегда останутся с ней – в виде чёрных прожилок, если ты умеешь читать ауры.

Это ее угодья. Она их даже помечает. Смертные редко это понимают, но если ты – один из нас, то сделав хоть один шаг на её территорию, ты начинаешь чувствовать кровь на обочине, тротуаре, фонарных столбах. Всего по капле. Люди этого не заметят или не придадут значения. Но Сородичи чувствуют, что они попали в чужое логово, окропленное кровью по всему периметру.

Как же я пережила свою встречу с Гретой? Во-первых, она одна из нас. Как и ты. Мы Дикари. Она нас *любит*. Правда, Грета не говорит по-английски. Она, кажется, понимает его, но сама никогда на нём не говорит. Французский, немецкий, испанский, латинский... но никогда не английский. Она не из этой страны. По-моему, она просто презирает Америку или Англию. Когда я попыталась разобраться в этом вопросе поподробнее, она начала раздражаться. Я не захотела продолжать.

Во-вторых, я привела ей подарок. Да, привела, а не принесла. Одного заносчивого неоната, порождённого ещё более заносчивым сиром из местных Вентру. Грета сожрала его живьём у меня на глазах. Когда она закончила, в её руках вместо тела остался лишь пепел, который разнесло по округе, словно сигаретный дым. А ещё со всех сторон вдруг подул ветер. Как будто она его призвала.

Вот тогда Грета повернулась ко мне. Мы беседовали на моём ломаном французском, а когда нам надоело, смешали его и с моим ломаным немецким. Что рассказать о Грете сверх того, что я уже изложила? Она не любит, когда её видят. Она не любит, когда от неё что-то требуют. Она не знает, кто она – помнит лишь, что её действительно зовут Грета, хотя фамилия уже затерялась в Тумане вечности.

Кстати, на протяжении всего разговора она вела себя как спокойный, но всё-таки *хищник*. И только когда мы коснулись вопроса о её имени и фамилии, линии вокруг её рта разгладились и она попыталась вздохнуть. Тебя это не удивляет? Меня удивляет. Это только вы, неонатики, цепляетесь за свою мышечную память и то вздыхаете, то стонете от огорчения, то издаёте победные крики.

Грета слишком стара. Она только попыталась вздохнуть. Не скажу, чтобы её это удалось. Уверена, что она уже пару веков так не делала.

О, я заговорила о возрасте, и у тебя загорелись глаза. Милая, милая Элис. Я вижу, чего ты хочешь.

Ты хочешь знать о Бабе Яге.

Баба Яга

Старая ведьма из диких лесов. Стрега нона. Дух ночной природы. Йежибаба. О ней, как и о Нечисти, ходит много всяких историй. Но одно можно сказать наверняка: её считают едва ли не самой древней из нас. И у неё тоже есть свой культ. Ей служат сотни, может быть тысячи Проклятых по всему миру.

Я – одна из них. Нет, я не покажу тебе никаких символов или бумаг, которые бы это доказывали. Если бы я носила при себе знаки Бабы Яги, меня бы давно растерзали Благословенные. И я не ношусь по всему домену, проводя кровавые ритуалы.

Но если хочешь, я помогу тебе встретиться с ней. Если ты не боишься. Хотя я бы на твоём месте боялась.

Позволь-ка... Какой у тебя крепкий волос. Не оторвать! Всё, оторвала. Теперь открой рот. У тебя сухой язык. Впрочем, как у любого из нас. Сейчас я слегка надрежу твой язык... и выдавлю вот эти... три... аккуратные капли себе на рукав. А теперь на эту белую ткань. Дай ещё один волос. И последний. Всё, теперь я их заворачиваю в ткань с кровью. Использую как-нибудь потом.

Ну, что заключительный этап? Вот. Это билет на самолёт в Варшаву и список имён, которые тебя заинтересуют сразу по прибытии. Я не говорю, что ты найдёшь её там. Но Варшава – отличная отправная точка для поисков.

Можешь не брать билет, если не хочешь. Но если тебе нужна история Бабы Яги...

Наслаждайся поездкой, Элис. Увидимся позже.

Видеоплёнка

А вот и кое-что новенькое. Я её расшифровал для вашего удобства. По всей видимости, полное имя этого “Лева” звучит как Левитикус Ульстер. Я им сейчас занимаюсь. Жаль, что его лицо на плёнке размыто – но трудно было бы ожидать чего-то иного от одного из нас.

Хардейкен

Лев

Эта шутка работает? Всем привет! Меня зовут Лев. Мои родители были засранцами, а когда я умер, моим родителем в новой жизни оказался ещё больший засранец, некий Дикарь по имени Йорик. Ему нравилось надо мной издеваться. Я вернул ему должок, пробив ему грудь ножкой от деревянного стула и отправив его охладиться на дно соседнего озера. Эй, Беттина, давай-ка в кадр.

Беттина

(Появляется в кадре) Йо!

Лев

Это Беттина. Бетти. Бо-бетти. Банана-фана. Ладно, просто дурачусь. Бетти не Гангрел, она из Дэва. И да, такие как мы прекрасно можем дружить. Она помогла мне с Йориком. Я, кажется, ещё этого не упомянул, но грудь я ему пробил только с шестой попытки. Помнишь, сколько крови было?

Беттина

Мы отправили эту сучку в плавание.

Лев

И сделали это со вкусом. Вы о нас слышали? Нас называют Демонтажёрами. Мы не сами себя так называли, но нам оно подошло. Вот Левитикусом меня мог назвать только идиот. А “Демонтажёры” звучит со вкусом, а, Бетти? Вы можете знать нас как победителей Теневого тирана. Того самого, которого сами того не зная свергли обычные копы. Видите ли, мы связались с парнями из Интернета, которые интересовались съёмкой всякой мистической дряни. Простые смертные, увлечённые сверхъестественными феноменами. Мы предложили им кучу собственной информации о Тиране, и они согласились разместить её на Ютубе. Очень нам помогли. С тех пор копы стали брать одного политика за другим, пока у Тирана никого не осталось. Он оказался голым королём на пустом троне. К слову, нам в этом деле очень помог ещё кое-кто. Давай, Киппер, посмотри в этот Великий Магический Глаз.

Киппер

(Смотрит в камеру) Здорóво!

Лев

Это Кип. Он из Лордов. А-ага! Лорды и Дикари отлично сходятся друг с другом. Удивительно, сколького мы можем добиться, когда перестаем скалиться и корчить из себя повелителей ночи. Потому что все мы...

Кип

Угарные Мёртвые Чуваки!

Лев

Заткнись, Кип. Хотя он всё верно сказал. Первый пункт нашей идеологии? Мы люди. Нам наплевать, что говорят остальные. В частности – что они говорят лично вам. Если вам нравится думать о себе как о жутких чудовищах, ваше дело. Но мы отличаемся от людей лишь в одном – мы питаемся кровью. Заметьте, что я не сказал: убиваем людей или, там, пожираем их. Мы просто пьём кровь. Да, поначалу мне приходилось вредить людям больше, чем я хотел. Это было случайно. Я даже не скажу, что виню себя за это. Иначе я просто не мог. А кроме того, так сказал бы на моём месте любой человек. И я человек. Я нормальный! Я смотрю телек. И ухаживаю за своим огородом. Поскольку я не могу есть овощи, я раздаю их бездомным.

Кип

Этот чувак вообще святой.

Лев

Нет, не думаю. Я довольно эгоистичен. Я бы не занимался благотворительностью, если бы это не позволяло мне чувствовать себя нормальным. Но в этом и состоит вся наша идея. Каждому из нас нужен некий центр – моральный ориентир, к которому нужно привязаться. Когда вы от него отойдёте, вам будет достаточно вспомнить, каким был ваш центр. Вернитесь к нему, и вы снова почувствуете себя человеком. Может быть, даже счастливым. Нас этому обучил наш четвёртый друган, Айри.

Беттина

Он наш Носфер. Да, мы тут все передружились. Так что у нас есть свой личный Носфер. Он пахнет могильной землёй. Если вам всегда хотелось понюхать могильную землю, загляните как-нибудь к нам.

Лев

Айри сейчас болтает со своими. Носферы любят Носферов и не любят всех остальных, поэтому Айри приходится заниматься ими самостоятельно. Сейчас он веселится с кем-то... как он там её назвал?

Кип

С Увядающей фиалкой².

Лев

Ну, удачи ему с этим. В общем, Айри – тоже часть нашей команды. Мы можем заниматься разными делами, но мы всегда едины. И в этом – моё второе послание. Многие Дикари думают, что ужиться они могут только с другими Дикарями. Туфта. Это полный аналог расизма, классизма, сексизма...

Кип

Зооморфизма!

Лев

...следуя которому, вы только ограничиваете себя. Наша сильная сторона – в том, что мы можем достигать общих результатов благодаря разделению наших способностей.

² Одна из героинь книги *Nosferatu: the Beast that Haunts the Blood*.

Беттина

Я могу поднять машину!

Лев

Не можешь. Но Айри может. Он кажется маленьким, но способен швырнуть меня через всю эту комнату. Без шуток. Суть, однако, в том, что мы можем жить так же, как обычные люди. С друзьями. С единомышленниками. И с любимыми. Не верьте в этот гордый, одинокий элитизм, которым окружают себя ваши сиры. (Лев привстаёт и наклоняется к камере) Наступите на горло своему Зверю, слышите? Задушите его, как паршивого пса. Будьте людьми. Будьте нормальными.

Устная традиция

Вчера мне довелось встретиться с Константином Корабом: косовским албанцем, живущим в своей стране уже больше пятидесяти лет. Выглядит он как толстенький паренёк в пурпурном костюме с золотыми полосками. Поначалу я не восприняла его всерьёз. Его улыбка казалась фальшивой, а когда он распростёр руки, словно пытаюсь меня обнять, я подумала, что он просто ребячится.

Однако потом он заговорил. У него необычный голос. Конечно, я слышала о Сородичах, которые способны наполнять свои слова каким-то особым мистическим смыслом благодаря своим Дисциплинам, однако, я думаю, его шарм заключается именно в его искреннем энтузиазме. Он просто хотел поговорить со мной об истории нашей расы. А ещё у него был неподражаемый восточноевропейский акцент, немного напоминающий русский с его хрустящими нотками. Поэтому я включила диктофон и позволила ему говорить.

Как же я надеялась, что он не окажется ещё одной Гильдой с историями о чудовищах. Мне хотелось верить, что среди нас всё ещё есть достойные Сородичи. Не Дикари и варвары, не чудовища и безумцы, а *люди*.

Мы не пишем

Мы не записываем свою историю, потому что мы её рассказываем. Это одна из причин, по которым мы всё ещё встречаемся друг с другом. Мы собираемся в том или ином месте, в убежищах или на обочине дороги, чтобы поговорить. Вот как мы сейчас.

Ты хочешь узнать, как появился наш клан? Я расскажу тебе то, что слышал от десятков других Гангрел в моей родной стране. Мы родились в море и жили морем. Мы были пиратами. Мы налетали на торговые корабли Древней Греции и поджидали в засаде водные караваны Египта, что развозили богатства по всему Нилу.

Другие Сородичи жили со смертными в их городах. Но мы жили в море. Конечно, когда человеческая цивилизация начала распространяться вглубь суши, и смертные начали возводить свои города не на реках, озёрах или морском побережье, а на холмах или в гуще лесов, мы сошли со своих кровавых трирем и последовали за стадом.

Тёмные века

Другие Сородичи ненавидели Тёмные века, последовавшие за распадом их излюбленной Камарильи. Но мы? Мы ими наслаждались. Мы были джиннами в ночных, холодных пустынях. Мы были фуриями и валькириями, что жили в снегах. Мы были варварами, свергавшими одного смертного короля за другим.

Позволь-ка я расскажу тебе поучительную историю о мальчике по имени Зигмунд. Он был молодым, некрасивым и глупым. Он даже не был сильным, но кто-то из местных шаманов сказал ему, что его ожидает великая судьба. Когда он попал в земли римлян, его Обратило одно ночное создание, которое в Камарилье считалось рабом. А это значит, что рабом стал и сам Зигмунд. Его сделали “крысоловом” – воином Мёртвого легиона, который разыскивал безумных Сородичей в лабиринте Некрополя и обрывал их незавидный Реквием.

А потом Камарилья пала. Это произошло не за одну ночь и даже не за один месяц, но даже камень со временем начинает трескаться под напором воды. А потому в какой-то момент Зигмунд

выбрался из подземного лабиринта и понял, что ему больше не нужно идти к своему хозяину и ждать, пока тот отдаст ему новый приказ. Зигмунд обрёл свободу, потому что все о нём просто забыли.

Тогда он вернулся в родную деревню, к этому моменту ставшую уже городом, и сделался её Князем. И под его началом город рос, рос и рос, пока его не назвали Берлином. Ты уже бывала в Берлине? Если как-нибудь туда заглянешь, знай, что сегодня местного Князя зовут Зигисвальдом, Десницей Инвиктус. Вот только это не его настоящее имя. Его зовут Зигмунд. Он стал одним из сильнейших Князей на свете лишь потому, что когда он впервые пришёл в свой город, другие Сородичи слишком боялись Тёмных веков, чтобы брать власть в свои руки. Они боялись варваров, и чудовищ, и даже своих собратьев. А Зигмунд просто воспользовался моментом.

Тёмные века стали для Гангрел веками триумфа.

Всеобщая война

Что ещё? Мы воюем. Не все, но многие – часто и подолгу, иногда покидая одно поле сражений только затем, чтобы добраться до следующего. Рассказать ли тебе о Василии Кобре, который так безжалостно расправлялся с нацистами, что те отрядили за ним целую группу охотников, и ему удалось спастись только спрятавшись с братской могиле? Рассказать ли о японских *йуреи*, которые питались кровью умирающих в Хиросиме и Нагасаки? О стаях Гангрел, которые шли с монгольской ордой? О тех, кто во времена крупных войн забывал о Маскараде и открыто предлагал правителям своих стран свою помощь, призывая закрыть глаза на различия между людьми и Сородичами ради спасения родины?

Возможно, всё это ложь. Но я думаю, что у любых историй – в особенности таких многочисленных – есть свои корни.

Ведьмы, бомбы и поцелуи

Этот дневник прислал мне другой Шериф, состоящий в моём ковенанте. По его словам, дневник был написан кем-то из Призраков. Его точка зрения может освежить наш взгляд на наш собственный клан.

Хардейкен

Когда красивая женщина предлагает такому уроду, как я, разделить с ней добычу, сразу возникает мысль о подставе. Но к этому моменту я уже больше пятнадцати минут наблюдаю, как она наслаждается кровью этой глупой девчушки. Она не могла знать, что я здесь появлюсь. Мы просто охотились в одном квартале, не зная друг о друге – и вышли на одну жертву. Ничего особенного.

Но пока что я ещё не могу говорить о “нас”. Есть только “я” и “она”.

Она замечает меня и долго смотрит мне в глаза, не отрываясь от плеча девушки.

– Спрашиваю я.

Она поворачивает жертву плечом ко мне. Я погружаю клыки в плоть нашей общей добычи. И с этого момента мне можно говорить “мы”.

Ей не больше двенадцати. Мне чуть меньше двадцати. Её стая где-то за городом, и до возвращения своих собратьев она может делать всё, что захочет. А она многого хочет.

Сегодня она хочет начать войну банд. У неё нет никакого плана – это становится ясно спустя какую-то неделю после начала нашего знакомства. Ей просто хочется стравить пару десятков смертных друг с другом. Поэтому мы достаём баллончики с краской и разрисовываем забор за забором, намеренно нанося знаки одной банды на территории другой.

– Если кто-нибудь станет интересоваться, кто это начал, – говорю я, – нам понадобится красивая легенда. Мы с тобой два усталых солдата. Двое простых парней, вернувшихся с войны, только чтобы начать новую.

– Вот оно как? Двое парней?

– Я говорю в обобщённом роде.

– Но мы можем быть девушками. Я девушка.

– Я заметил, – передразниваю я.

Трудно было не заметить. Последнюю неделю мы провели месте. Похоже, её не слишком беспокоило то, как хрустели под кожей мои кости.

– Мы будем двумя девушками, с которыми никто не захочет оказаться один на один.

– Каждый хочет оказаться с двумя девушками один на один.

Она смеётся.

– Вот, значит, чего ты хочешь?

Я старательно вырисовываю сицилийскую метку на территории банды, которая ненавидит “итальяшек”.

– Я говорю обобщённо.

– Подсадишь? – спрашивает она.

Я наклоняюсь, и она забирается мне на плечи. Потом встаёт на них и рисует что-то на самом верху стены.

– Поближе, – говорит она.

Я подхожу ближе. Она заканчивает работу, бросает баллончик мне под ноги и разворачивается. Вместо того чтобы слезть, она обхватывает мою шею ногами. Я смотрю ей в глаза и думаю, что такой взгляд я видел неделю назад, когда она предложила мне разделить добычу.

Я молча беру её джинсы и стягиваю их, разрывая там, где они не слушаются.

– Ты же заплатишь за них? – спрашивает она с широкой улыбкой.

– Ага, – отвечаю я.

Остальное я вам расскажу, когда подрастёте.

Я просыпаюсь от звука сердцебиения. И от боли. Не сразу понимаю, что это колотится сердце в моей деформированной грудной клетке. Кости шевелятся у меня под кожей, словно пытаюсь убежать прочь от внезапно ожившего органа.

Хромой походкой я добираюсь до ванной и принимаю холодный душ.

Она ждёт меня на парковке с сигаретой в руке. У неё скучающий вид, но это такая же иллюзия, как попытка изобразить наслаждение от табачного дыма.

– Пойдём-ка, – говорит она и бегом бросается в переулок.

Стоит ли говорить, что я бегу следом, стараясь забыть о хрусте в костях?

Она забегает за угол, потом ещё за один, потом пересекает длинную ночную аллею и, наконец, сворачивает в сторону старого заводского строения. Я вижу, как она с разгону прыгает на его стену и отталкивается от неё одним сильным, нечеловечески быстрым толчком. Где-то наверху, в темноте, её руки находят ступени пожарной лестницы.

Спустя пару минут мне удаётся повторить этот трюк. Да, я преувеличиваю, говоря “пару”. Уймитесь, я рассказываю историю.

Я забираюсь на крышу. Она ждёт меня у самого края, но как только мне удаётся выпрямиться, бросается дальше и перемахивает на следующую. И на следующую. Мы взбираемся выше и выше, пока она наконец не останавливается где-то вдалеке, на высоте нескольких десятков метров. Когда я добираюсь до неё, она стоит и смотрит куда-то на восток.

Я обнимаю её рукой. Она поворачивается, и мы сливаемся в поцелуй. Когда вам не нужно дышать, целоваться можно хоть целую вечность. А это открывает массу новых приёмов. Где-то посередине процесса я кладу её на крышу. Лишь пару минут спустя она вдруг освобождает губы от поцелуя и шепчет:

– Я хочу показать тебе то, что ты никогда не увидишь в своём Некрополе.

Её рука ложится мне на грудь и начинает приподнимать над её телом. Мои надежды на то, что это какая-то новая поза, заканчиваются в тот момент, когда указательный палец её свободной руки вдруг указывает на восток.

Я смотрю, куда она показывает, и вижу рассветное зарево. Моё тело инстинктивно скатывается с неё. Я вскакиваю и начинаю бежать. Она — за мной. Когда я уже подбегаю к западному краю крыши, она касается моих плеч сзади и начинает их растирать.

— Вдохни, — говорит она.

Я чувствую запах дыма.

— Я думала, тебе понравится увидеть рассвет посреди ночи, — говорит она.

Я поворачиваюсь к ней, затем смотрю на восток. Это действительно выглядит как рассвет.

— Ты подожгла целый квартал, чтобы я посмотрел на рассвет? — спрашиваю я.

Она улыбается.

— Нет. Я подожгла два квартала. Чтобы на рассвет посмотрели мы с тобой.

Я продолжаю смотреть то на восток, то на неё.

— Аббату и его Благословенным это не понравится.

— Пускай. Не просто же так они называют меня ведьмой.

— Он тоже Гангрел.

— Вот именно. Он Гангрел. А я Бруха. Он не из ведьм. И не из моей стаи.

Я молча смотрю на восток.

— А кроме того, я оставила там послание. Оно собьёт твоего Аббата с толку.

Её коготки забираются мне под футболку и чертят несколько линий на коже. Мне не нужно смотреть вниз, чтобы понять, что она пишет.

VII.

— Может, они даже крестовый поход начнут, — со смехом добавляет она и снимает свою футболку. Под ней ничего нет. — Минус три.

— Минус три? — переспрашиваю я.

— Простое обозначение. Три часа до рассвета. Хочешь ко мне?

Девушка сожгла полгорода, чтобы меня порадовать, и теперь она голая. Вы думаете, я скажу нет?

Её дом для меня — целый мир. Я прячусь в старых газетах среди крыс и бездомных. Она живёт в кондоминиуме, затянув окна несколькими слоями кожи.

Когда она слезает с меня, я вижу синяки, оставшиеся на её теле из-за моих выпирающих костей. Мне хочется думать, что это я разогнал кровь по её организму, а не она сама. Я потягиваюсь, и мои руки выворачиваются под неправильными углами. Ещё несколько костей ломаются, и я чувствую, как осколки тотчас же начинают срастаться друг с другом, образуя очередную уродливую шишку у меня под кожей.

– Тебя это точно не отпугивает?

Она закатывает глаза и вздыхает.

– Что ты. Столько разнообразия! Уверена, тебя можно ещё кое-где согнуть под неправильным углом.

Следующие полчаса мы занимаемся важными делами. Потом срабатывает мой пейджер.

– Будильник, – говорит она. – Минус тридцать. Сумеешь добраться до своего логова за полчаса?

В её глазах застывает вопрос. Я смотрю в окно. Она не против моих выпирающих костей. Она предлагает мне остаться. В комнатах по соседству явно живёт пара вкусных одиночек.

Вы думаете, я скажу нет?

Её стая меня принимает. Не в смысле “хорошо” принимает. Просто им на меня наплевать. Я могу тусить с ними, пока этого хочет она. Конечно, они шутят про мой горб и гнущиеся кости, но друг друга они высмеивают и за худшее.

Каждый из них мнит себя вожаком. Или хотя бы мачо.

Каждый, кроме неё. Она просто веселится. Я смотрю, как она добывает жертву метким броском бутылки в затылок, издаёт победный клич и задорно аплодирует сама себе. Наверное, поэтому я и с ней. Она приносит в мою ночную жизнь то, чего у меня никогда не было. *Задор*.

– Пойдёшь с нами охотиться? – спрашивает она.

Я знаю, что я хочу пойти с ней, но мне не слишком-то интересно с её компанией.

– Нет, красавица, – говорю я и смотрю на часы. – Увидимся позже? Минус один?

– Минус два, – отвечает она и целует меня.

Её стая подбегает к краю крыши и прыгает вниз. Она следует за ними, но на краю оборачивается, чтобы посмотреть на меня. Мы оба знаем, что что-то переменялось.

Я сказал ей нет.

Не так-то просто забраться на крышу, когда у тебя свободна только одна рука. Я неплохо справляюсь, учитывая, что у меня то и дело ломаются кости. Спустя какое-то время мне всё-таки удаётся забраться наверх, даже несмотря на то, что в одной руке я сжимаю свёрток.

Она улыбается мне, когда моя голова появляется над краем крыши. В её улыбке есть что-то грустное.

Я поднимаюсь к ней, и мы обнимаемся.

– У тебя там ребёнок? – смеётся она. Я чувствую грусть в её смехе. – Даже ребёнок не сможет меня удержать.

Я не смеюсь, потому что это и не было шуткой.

– Загляни внутрь, – говорю я.

Она снимает верхний слой свёртка, и изнутри выбираются крысы. Она снова смеётся, но я всю неделю знал, что она так отреагирует.

– Это один из тех подарков, которые привлекают своей отвратительностью? – спрашивает она.

– Крысы помогли удержать то, что внутри. Поищи на дне.

Она опускает руку, и я чувствую её напряжение. Она ждёт, что её кто-нибудь укусит. Потом она расслабляется.

– Мне не позволят этим воспользоваться, – говорит она, глядя на синий мобильник. Потом она нашаривает второй – красный – и смотрит на меня. – Мне не дадут пользоваться ни первым, ни вторым.

– Синий для того, чтобы ты звонила. Я слышал, тебе нельзя. Но ты всё время делаешь то, чего нельзя. А красный считай запоздалым подарком.

Она продолжает смотреть на меня, и я обнимаю её рукой.

– Давай-ка посмотрим вон туда, – говорю я, поворачивая её в сторону храма Благословенных.

Я аккуратно беру телефон из её руки и отправляю СМС на третий телефон, покоящийся где-то под храмом. Всего три буквы.

VII.

В первую секунду ничего не происходит, и я начинаю думать, что где-то облажался. Потом ночную тишину раскалывает взрыв. Колокола начинают звенеть, словно обезумевшие. Они продолжают звенеть, даже когда вся колокольня обрушивается вниз.

Я слышу её смех. Должно быть, в последний раз.

– Поцелуешь меня? – спрашивает она.

Вы думаете, я скажу нет?

Часть II: Вампир

Листы из этой части дневника неоднократно вырваны, переклеены, переписаны и перечёркнуты: более хаотичное описание мыслей нужно ещё поискать. Но некоторые моменты кажутся мне на удивление ценными. В том смысле, что они показывают превращение Человека в Зверя – а заодно проливают свет на путешествие Элис по Восточной Европе. Это почти настолько же интересно, насколько безумно.

Хардейкен

Дорога в пряничный домик:

Грёзы о крови и пирогах

Отлично. По крайней мере, я не в мешке для трупов. В самолёте *страшно*. И многолюдно. Я слышала, как где-то в салоне гневно кричал попугай. Уверена, что на меня. Едва ли смертные это понимали. Особенно весело стало, когда незадолго до рассвета меня остановили сотрудники аэропорта и попросили снять обувь, чтобы убедиться, что у меня там нет каких-нибудь химикатов для создания бомбы в кустарных условиях. Хотя, полагаю, мне нужно радоваться, что они не стали проверять частоту сердечных сокращений.

Подведём итоги? Путешествия на самолёте не предназначены для нашей расы. На борт больше ни ногой.

Ещё интересное наблюдение: что-то следит за аэропортом. Я видела это своими глазами. Клянусь. Всего пара глаз, столь ярких, что они отражались на мокром асфальте и хrome, покрывающем корпус самолёта. Я не успела понять, что это такое. Может, это вообще был свет какой-нибудь лампы. Но не думаю.

Да-да, я встретилась с “людьми” Гильды. Они ничего мне не рассказали. Совсем. Они только выхватили билет из моей руки, а потом разорвали его и затолкали меня в комнату, где они держат домашних животных.

Хотите кое-что узнать? Вчера днём у меня был сон. Повторяю: сон. Нет, ещё не дошло? *Я не вижу снов*. Никогда.

Итак, вчера меня посетил первый сон за чёрт его знает сколько времени. Мне снилось, что меня зовут Гретель и что я иду к пряничному домику лесной ведьмы без своего дорогого Ганзеля. В окно я видела лицо ведьмы, размытое сахарными кристаллами, но даже тогда я всё равно различала её жёлтые глаза и спутанные волосы. И тогда я почувствовала столь сильный голод, что начала вгрызаться в стены этого домика.

Я чувствовала огонь внутри себя. Я говорю “огонь”, потому что во сне я знала, что это огонь – но на самом деле он был холодным, как инъекция физиологического раствора прямо в вены. Каждая конфета, каждый кусок пирога или пряника, который я вытаскивала из стены, тут же вызывали кровотечение. Я ела дом, а он кровоточил.

Боже, я захотела есть. Подожди меня, дорогой дневник.

Ох, ну и дерьмо. Надеюсь, что никто не будет скучать по этому пуделю.

Мифическая пропаганда

Недавно мне в руки попало вот это. Это флаер. Вклею его в дневник, почему бы и нет? Уверена, он не нарушает Маскарад... слишком сильно. Но, думаю, наши Князья и Шерифы от него не в восторге.

Одомашнивание Энкиду!

Энкиду стал цивилизованным, и теперь сама природа отказывается принимать его.

Мы вам не собаки!

Нас создала Аруру. Она сделала нас людьми дикой природы. Людьми со звериным разумом. Энкиду носил множество обличей и прятался среди людей, притворяясь одним из них. Он был абсолютно свободен.

Но Лордам не нравилась его независимость. Они послали к Энкиду Суккуба по имени Шамхат. Она раздвинула ноги и показала ему, что находится между ними. И он поддался – но не здоровому звериному мускусу, а обманам, и ароматам, и гипнотическим внушениям.

Каждое движение её нечистых бёдер забирало у него свободу. Когда всё кончилось, Шамхат омыла его тело маслами. Теперь Энкиду мог жить среди людей, входить в их дома, есть их пищу и пить их напитки. Он стал благородным. Ему не нужно было притворяться.

Однако отныне он больше не мог сменять обличье. Звери перестали понимать его речь.

Отныне ему приходилось искать защиту, и защищали его не гордые львы и свирепые волки, а пастыри и охотники.

Суккубы и Лорды, помните:

Вы не сможете одомашнить нас так, как вы одомашнили нашего брата Энкиду

Мы вам не собаки!

Мы будем свободны!

Странновато, не так ли? Пропаганда, построенная не на упоминании конкретных политических конфликтов или даже древней истории, а на мифах – причём не самых распространённых среди Сородичей. Что это? Призыв какого-нибудь Картианского Дикаря? Или просто Картианца? Или просто Дикаря? Ещё кого-нибудь?

Из университетского курса я помню, что Энкиду был создан из глины как друг Гильгамеша, но оказался диким и необузданным. Или я что-то путаю? Я вот не помню ничего о Суккубе.

Что особенно странно, эту листовку распространяют обычные люди. Живые люди. Студенты высших учебных заведений, предпочитающие радикальную “зелёную” философию. Анархисты, считающие, что обычный человек находится под железной пятой правительства. Не знаю, что всё это значит. Но это любопытно.

Полуночные дороги, часть III

Страшноватое место. Длинный участок асфальта, изрытого ямами. Лес с обеих сторон. Развалины старой военной базы где-то посередине. Не буду лгать, мне нравится вид леса в ночное время. Никаких автомобилей. Никаких людей.

И вдруг посреди этой старой лесной дороги – короткое ответвление к комплексу угловатых зданий. По периметру, прямо среди деревьев, стояли башни. Всё это ограждал проволочный забор.

Мне стало любопытно – в конце концов, не каждой ночью встретишь такой закуток обжитого пространства посреди леса, – и я решила приблизиться. Ошибка. Большая ошибка. Как только я обхватила пальцами проволоку и началась всматриваться сквозь забор, по ушам ударил сигнал тревоги. На каждой башне загорелось ярко-красному прожектору. А затем позади меня кто-то появился.

Вампиры. Не один. Много.

Я видела силуэты желтоглазых волков или псов, возникающие из леса. Я слышала порхание крыльев над головой. Один из красных прожекторов нашёл меня, и хотя я не знаю, что это было, каким-то образом я почувствовала, что он что-то высасывает из меня.

Мой Зверь взвыл глубоко внутри, и я сорвалась с места как раз вовремя, чтобы меня не поймали. Я слышала, как что-то ударилось о забор позади меня, но уже не могла обернуться и посмотреть. Мне удалось сбежать. Никогда сюда не вернусь.

Дорога в пряничный домик:

Экскурсия с крысой

Я знаю о правилах. Я знаю, что когда ты приходишь в чужой домен, первым делом нужно расшаркаться перед Князем и сказать: “Эй, я тут новенький. Я не захватчик и не браконьер. Я не разношу чуму и не лезу в чужие владения. Примите мою благодарность, и кстати, думаю, было бы здорово, если бы вы не стали меня казнить”. Поэтому я связалась с Людо и попросила его представить меня Князю.

Кто такой Людо? Ещё один парень из списка Гильды. Людо напоминает антропоморфную крысу или ласку. У него длинные острые зубы, которые он то и дело облизывает. Сначала он кажется страшноватым, но потом начинает говорить, припудривая свою речь шутками про наши американские акценты. Уже на первой минуте нашего разговора я искренне смеюсь.

Людо тоже любит посмеяться, но он не уверен, что может помочь моим поискам информации о Дикарях. Потому что, на его взгляд, все мы *разные*. Единственной общей чертой всех Гангрел он считает принятие своей сущности. Другие вампиры, говорит Людо, делают всё, чтобы игнорировать собственные интересы. Неонатов он называет собаками, которые притворяются волками. Тех, что постарше, он сравнивает с волками, которые притворяются политиками.

Людо устроил мне небольшую экскурсию по своему городу, который оказался вовсе не предместьями Замка Дракулы, как я это представляла (и да, в глубине души я бы не удивилась, увидев какой-нибудь тёмный замок с головами на пиках). Обычный город – может, слегка потрепанный из-за обилия зданий начала прошлого века.

Пока мы шли, Людо много рассказывал мне о Варшаве. Не о том, что может услышать и обычный турист, а обо всём *странном* и *страшном*. Прежде всего, здешнего Князя зовут Сократом, и он предпочитает титул Мэра.

Мэр Сократ достаточно прогрессивен и даже выпускает какую-то подпольную газету для Сородичей. Я так поняла, что он Картианец, хотя Людо приписал ему членство в организации под названием Плантационный комитет. Что это такое, мне узнать так и не довелось.

Затем Людо стал описывать демонов. Фактических демонов. Демонов, которые вырвались из Преисподней. Периодически я кивала и улыбалась – на всякий случай, – но я до сих пор не знаю, насколько серьёзно он говорит. В конце концов, несколько лет назад мне казалась глупостью сама мысль о существовании кровососущих трупов – и теперь, когда у меня есть их членская карта, мне уже не так просто смеяться над ведьмами и русалками. Если бы Людо сказал, что Варшавой правит парламент оборотней, я бы отнеслась к этому серьёзно.

Но он этого не сказал. Он сказал лишь, что дружит с одним из демонов, который держит в Старом городе лавку народных лекарственных средств (обычно сделанных на основе человеческой крови). Я спросила его, как выглядит демон.

– Как ты и я, – сказал Людо. – Но его руки холодны, как могила. А любые источники пламени начинают мерцать, когда он проходит мимо.

Я не стала говорить ему, что это похоже на нормальный эффект воздушных потоков. Если Людо нравится думать, что парень с плохим кровоснабжением в руках – настоящий демон из Преисподней, пожалуй, мне не стоит вставать у него на пути.

Потом Людо сказал мне, что в округе живут русалки. Русалки существуют, они живут в реках, и если капнуть три капли крови на картину мёртвого возлюбленного и поместить её в реку, то русалки появятся на поверхности и утащат вас с собой. Я не имею ни малейшего представления о

том, кто и как проверял достоверность этой истории, однако знаете что? Вампиры реальны. Я доказательство этого факта.

Русалки? К чёрту. Не хочу думать об этом.

Ещё Людо рассказал мне о призраках Старого города, оборотнях из местного парка и смертных гедонистах из какого-то элитного клуба, которым нравится охотиться на нас ради азарта. Рассказав о последних, Людо добавил, что эти смертные любят выливать нашу кровь в специальные жаровни и потом вдыхать аромат, который якобы обладает наркотическим эффектом. Я горячо согласилась, когда Людо сказал, что из всех тварей, населяющих этот мир, люди пугают его больше всего.

Наконец, Людо заявил, что в еврейских районах города то и дело появляются странные надписи на могилах, окрашенные в красный цвет и, по всей видимости, написанные на каком-то секретном языке. Что это значит, никто из его знакомых не знал.

О, и главное. Когда мы уже подходили к резиденции Князя – то есть Мэра, – Людо сказал, будто варшавские Проклятые уже долгое время сталкиваются с призраками красноглазых сов с лицами, напоминающими человеческие. Они постоянно молчат. Просто наблюдают за Сородичами, иногда улыбаясь ртами, которые кажутся слишком крупными для их голов.

Людо сказал, что пара Сородичей уже пыталась поймать такую сову. Вы знаете, чем заканчиваются такие истории. Давайте хором: *И с тех пор их никто не видел.*

Я спросила Людо, что он об этом думает. У каждого есть своя теория, разве нет?

Людо сказал, что мы прокляты. Наши души не могут удержаться в бранных телах, а потому вырываются наружу. Совы – не более чем воплощения нашего Зверя.

Сейчас я жду приёма в Капитолии. Да, оказывается, у нас бывают Капитолии! Удивлена не меньше твоего, дорогой дневник.

Выйду на связь, как появится что-нибудь интересное.

Иерархия силы:

Биологический манифест

Этот манифест ходит среди представителей нашего клана уже достаточно долгое время. Если вам нравится теория о нашем зверином начале, считайте, что он написан специально для вас.

Мы больше не люди.

Мы нечто большее, хотя будет честным сформулировать эту мысль иначе: мы нечто меньшее. Пусть это слово вас не обманывает. “Нечто меньшее”. В этих словах звучит что-то негативное. Может быть, это неправильное слово. Может быть, лучше подойдёт фраза “мы проще [чем люди]”. Мы звери.

Люди порой называют себя животными. Многие из нас посмеиваются над этим, но я мог бы согласиться с этим утверждением. Человеком управляет голод. Человек жаждет безопасности. Человеку знакома страсть, жажда насилия и инстинкты. Но он скрывает это за налётом цивилизованности, нравственности и дальновидности.

Обращение стирает с нас этот привычный, но совершенно ненужный налёт. Мы звери. Мы хищники. И что важнее всего, мы хищники *высшего порядка*.

Коннотация против денотации

Дикие. Я слышал, как многие Проклятые называют меня и моих товарищей словом “*дикие*”. Даже самое популярное наше прозвище обладает этим же корнем. Мы Дикари. Я склонен согласиться с этим эпитетом, но не в том смысле, который обычно вкладывают в него другие Сородичи.

Слова *Дикие* и *Дикари* обладают коннотацией эмоционального всплеска. Эти названия изображают нас как индивидов, поддавшихся определённым чувствам. Если верить этому определению, мы дикие в том же значении, в котором дикой можно назвать шипящую кошку, рассвирепевшего медведя или неистовствующих пчёл.

Это всё коннотации. Я ратую за денотацию: то есть строгое определение. Мы дикие в том смысле, что мы проследовали обратно по цепочке эволюции и вернулись из цивилизации в лоно дикой природы. Мы не глупы. Мы не примитивны. Мы первозданны. Мы можем быть королями, князьями и принцами своего мира – но мы правим другими так, как лев может править своим прайдом, а волк – своей стаей.

Если вы вкладываете в слово *дикие* именно это значение, с гордостью объявляю перед всем миром, что я *Дикарь*.

Заключение

Пришло время забыть о лжи, которую нам навязывают окружающие. Служите своему клану, а не ковенанту. Избавьтесь от своей человечности. Учитесь жизни у диких зверей. Учитесь правлению у настоящих Князей – Князей первозданной природы.

Реакция?

Я отослала копию этого манифеста ближайшему Дикарю, о котором знала: Сенешалю соседнего города. Мне показалось хорошей идеей узнать мнение такого высокопоставленного члена своего клана, а заодно попытаться наладить с ним связь для дальнейшей встречи.

Ответ я получила следующей же ночью, но не совсем такой, какой ожидала. Видите ли, оказалось, что у Сенешаля был своей сенешаль. Смертный гүль, выступавший в качестве его “голос”. Я даже не знала, что Сородичи могут вести себя *настолько* претенциозно. Век живи – век учись.

Вот что я получила в ответ на свою просьбу озвучить мнение о манифесте:

Уважаемая Элис,

Сенешаль не любит, когда ему присылают подобные вещи. Так называемый “Биологический манифест” хорошо известен в кругах Дикарей уже несколько лет. У него есть свои поклонники, но как и в случае с НЛО, саентологией и супермоделями, остаётся только гадать, почему мир полон таких глупых, но популярных вещей.

Сенешаль усердно работает над искоренением стереотипов, изложенных в присланном вами манифесте. Он ценит, что вы попытались наладить с ним связь: ему действительно нравится поддерживать контакт с другими членами его семьи. Но если вы когда-нибудь отправите что-нибудь подобное, Сенешаль будет вынужден выследить вас лично и затолкать эти страницы в ваше мёртвое, пыльное горло. Сенешаль хотел бы добавить, что он лично занимается большинством дел – за исключением написания писем.

С уважением, Розалита Гуаро, помощник Сенешаля.

Ну и ну. Я пыталась поговорить с человеком, а он отправил мне письмо с угрозами. Каждую ночь, которую я провожу в поиске информации о своём клане, я словно танцую на минном поле. Один неудачный пируэт – и бум, твои ручки-ножки весело разлетаются по окрестностям.

Другое дело, что теперь мне лично хочется поговорить с Сенешалем. Воистину, любопытство убило кошку. Ах да, просто для констатации факта: я уже не в Польше. Список Гильды вернул меня в США – не знаю, надолго ли.

Полуночные дороги, часть IV

Этой ночью мне довелось повстречать ещё более невежественного и запуганного вампира, чем я. А это, знаете ли, не каждому удастся. Я шла по следу раненого оленя, перешагивая через окровавленные ветки и сломанные кусты. Незадолго до того как я до него добралась, спереди раздался лёгкий хруст. Короткий щелчок фонаря, и его луч выхватил из темноты тушу оленя. Над ней стоял паренёк, похожий на школьника из старших классов. Он был одним из нас, и клыками впивался прямо в оторванную ногу оленя. Он так бережно её держал, что казалось, что он баюкает младенца.

Конечно, как только я осветила его фонарём, он рванул прочь. И да, я последовала за ним. Что, чёрт возьми, со мной не так? Написание этой книги выкрутило силу моего любопытства до 110%, а затем сломало ручку выключения. Я не могу *перестать* испытывать любопытство.

Поэтому я побежала вперёд, окрикивая парнишку. Он ловко перескакивал через кусты и вскоре исчез из виду, однако я всё ещё слышала его шаги по сухим ветвям. И к счастью для меня, парень оказался слишком напуган, чтобы заметить упавшее деревце. Он зацепился за него лодыжкой и полетел в овраг вниз головой.

У меня ушло некоторое время, чтобы успокоить парня и узнать его историю. На что у меня времени не ушло, так это на то, чтобы понять: у парня не было языка. Только оборванный корешок, похожий на шею обезглавленной индейки.

Мы вернулись к туше оленя, где он оставил кое-какие вещи. Я протянула ему лист бумаги с ручкой и спросила:

– Тебя как зовут?

Райли, – написал он.

– А фамилия есть?

Обер Редстоун.

– Ты откуда, Райли?

Из городка Нью-Ченс в Пайн-барренс.

– Это... далеко. Три сотни миль пешком.

Я бежал.

– А почему от меня бежал?

Я думал, ты из моей семьи. Брат или сестра. И что ты пришёл за мной.

– В каком-то смысле я из твоей семьи. Мы оба Дикари. Ну, знаешь, Гангрел.

Я не знаю, что это значит.

– Я тоже не слишком много понимаю из твоих ответов. Знаешь, напиши-ка свою историю вот на этом листе бумаги. Я подожду.

Я был на каникулах со своей семьёй. Настоящей семьёй. Отец хотел вознаградить меня за мои достижения в баскетболе. Вечером мы остановились на заправке, чтобы спросить направление. На заправке стоял только один парнишка, немного моложе меня, но с каким-то странным выражением лица, как будто он уже знал всё на свете. Он предложил нам зайти внутрь, но внутри все были мертвы. Мы рванули назад в машину, но нас поймали по одному. Я

не знаю, что стало с моими родителями, но тот парнишка крикнул, что я выгляжу сильным и быстрым и что им понадобится новая кровь с тех пор, как они потеряли какого-то Дэниеля.

Меня стукнули по голове, а когда я проснулся, у меня уже не было языка. Видимо, им нужен был кто-то, кто способен выполнять тяжёлую работу, а не кто будет много болтать. Потом меня заставили выпить кровь женщины, которую они держали связанной на заправке. После этого мы добрались до Нью-Ченса и напали на город.

Напали.

Они перебили всех, кого не могли или не хотели взять в плен. Потом главный выбрал себе лучшую комнату в лучшем доме, остальные распределили комнаты между собой, а меня, не спрашивая, бросили в подвал к крысам. На следующий вечер они спустились ко мне и сделали по глотку моей крови, а я выпил по капле крови у них.

– Срань Господня. Целая стая Гангрел захватила город? В открытую?

Да.

– И они ничего не говорили о Маскараде?

Это какой-то вампирский бал? Нет, не говорили.

– А что с заложниками?

Их опоили кровью так, что они начали слушаться каждого слова. Потом заставили выполнять дневную работу, типа как продавать товары в магазине и зазывать путешественников в отель. Тех, кто заглядывал, поедали.

– Как ваша семья называла себя?

Один раз я слышал, что они говорили о себе как о неких Оберлох. Ещё разок они назвали себя Детьми Старой Элис.

– Меня тоже зовут Элис.

Это меня и пугает.

– Я не такая старая. Я очень даже молодая. И ещё не слишком опытная.

Как скажешь.

– Значит, твоя семья заправляла целым городом, сделав всех его обитателей своим Стадом? Ну, знаешь, “стадом из людей”?

Именно. По всему городу они писали кровью законы в духе “кто, кем и как часто может питаться”. Эти надписи можно было увидеть на окнах, дверях, старых газетах – где угодно, хотя и подальше от глаз туристов.

– Это было бы восхитительно, если бы не было так отвратительно.

Они постоянно кого-то мучили. И людей, и нас, младших потомков. Нас постоянно испытывали на прочность, чтобы посмотреть, достойны ли мы быть частью семьи. Однажды моего товарища заставили нести на спине огромный валун. Через несколько минут он подвернул ногу, а кость буквально прорвала кожу и вылезла наружу. Спустя пару ночей он залез на крышу дома и встретил рассвет. Я этого не видел, но мне рассказывали, что он рассыпался, словно скульптура из снега.

– Как ты сбежал?

Баки – тот товарищ, о котором я только что писал – оставил связку отмычек из колючей проволоки. Я спрятал её под кожей. Нас постоянно обыскивали, но до тех пор, пока я не пытался залечить раны, связка оставалась внутри. В конце концов я сбежал, но для начала заглянул к своему отцу.

– Отцу? Тому, кто тебя породил?

В точку. Я нашёл его в доме семьи Ротдекеров, где он любил издеваться над десятилетней девочкой – единственной, кто там выжил. В этом же доме хранилось оружие и инструменты, которые можно было хотя бы попробовать использовать как оружие. Я взял что-то вроде пики и проткнул ему сердце. Потом я схватил девочку, и мы сбежали. Я сказал ей, что мы не можем оставаться вдвоём, потому что меня уже лихорадит от голода, но попросил её позвонить в полицию.

– Это сработало?

Понятия не имею. Я не прекращал бежать с тех пор.

После этого разговора наши пути разошлись. Надеюсь, бедному пареньку удалось сбежать, однако в ближайшем городе я встретила несколько диких Сородичей со злобными псами на поводке. Не знаю, кого они искали, но у меня есть кое-какие подозрения.

Сенешаль Сантана

Большинство из нас хотя бы время от времени переводят взгляд из стороны в сторону, поднимают и хмурят брови, моргают, подмигивают и делают сотни других микроскопических движений. Но только не Сенешаль Сантана. Он воплощает образ классического бизнесмена. Его немигающий взгляд, который вроде и не упирается прямо в глаза, и не смотрит в сторону, гипнотизирует и пугает.

И чёрт меня возьми, если он не выглядит как Саддам Хусейн У него те же густые усы и нос в форме боксёрской груши. Не думаю, что он араб, но в сочетании с тяжёлым голосом, как если бы Сантана всё время выдыхал кальянный дым одновременно со словами, всё это заставляет меня предположить, что в аэропорту его просят снять не только обувь.

Элис: С вами не так просто встретиться.

Сантана: Так и должно быть.

Элис: Почему это?

Сантана: У меня есть друзья – и у меня есть враги. И все они опасны для меня и моей работы.

Элис: Как друзья могут быть столь же опасны, что и враги? И кто они, в этом случае?

Сантана: Моих врагов легко узнать. Я Гангрел, но я не Дикарь. Если нравится, можете дать мне прозвище наподобие Волка. Но не “Дикарь”. Уродливое словцо. И немного расистское. Коренные американцы, инки и майя, тоже считаются дикарями, не так ли? Они научились жить на огромном, опасном континенте, подчинили себе природу и выстроили великие цивилизации. Но для современных американцев они дикари. Как получается, что с момента Обращения все Гангрел оказываются Дикарями, а все Вентру Лордами?

Элис: Вы до сих пор не объяснили...

Сантана: Кто мои враги, да. На вашем месте было бы разумно позволить мне договорить, прежде чем прерывать. Язык выдаёт вашу молодость.

Элис: Я...

Сантана: Никаких извинений. Извинения предназначены для слабых.

Элис:...

Сантана: Хорошо. Моими врагами становятся те, кто считает, что я каким-то образом предаю их интересы в коридорах власти. Это общая проблема всех репрессированных народов, субкультур и меньшинств. Чернокожий становится начальником полиции, и вдруг его бывшие братья начинают считать, что он хочет жить как белый, когда на самом деле он просто пытается стать умнее, сильнее и хоть немного богаче. Я знал человека, который проделал долгий путь из Мексики в эту страну – абсолютно законно – и в конечном итоге стал мэром крупного города на западном побережье. Как вы думаете, поддержали его собственные люди? Едва-едва. Большинство решили, что он продал всех. Они видели его чистый костюм, его золотые часы, его улыбающееся лицо на телевидении – и видели предателя. Я вижу, что вы чего-то ждёте. Вы можете говорить.

Элис: То есть вашими врагами становятся менее влиятельные Гангрел? Те, кто предпочитают бегать голышом по лесу или что-то вроде того?

Сантана: Это упрощение, но да. Они думают, что я одомашнел, хотя дело обстоит совершенно наоборот.

Элис: Кто ваши друзья, и почему они опасны?

Сантана: Мои друзья тоже Гангрел. Они считают, что я буду помогать им просто потому, что у нас одна кровь. Но ничто не может быть дальше от истины. Я им не союзник. Есть ли у меня симпатии к нашему клану? Да. Должен ли я сделать город более приятным местом для обитания Гангрел и не менее угнетаемых Носферату? Я это делаю. Я могу облокотиться на трон и громким шёпотом посоветовать что-нибудь Князю. Но свою работу я выполняю для всех Сородичей, а не так называемых Дикарей.

Элис: Я всё ещё не понимаю, как они вам мешают.

Сантана: Некоторые глупцы ищут оправдания для того, чтобы жить как монстры. Местные Гангрел ищут этого оправдания. Им не нравится, что я дисциплинирую себя и живу в своём доме вместо того чтобы... как вы там выразились... бегать голышом по лесу. Так не делают даже обычные люди. Нам же самим Творцом уготовано более значимое место во вселенной.

Элис: Я не знала, что вы состоите в Ланцеа Санктум.

Сантана: Не состою. Я прошёл кровавое крещение. Я посещаю Полночную мессу. Я дружу с Епископом Туто из клана Мехет. Но моё сердце принадлежит к Первой знати.

Элис: Много ли членов нашего... племени состоит в Инвиктус?

Сантана: Мы не племя: племя предполагает общие обычаи и культуру. У нас нет ничего подобного. Мы не разделяем *ничего*. Кроме, может быть, лени, от которой страдает добрая половина Гангрел. Позвольте рассказать вам сверхкраткую историю о моих бывших союзниках. Когда-то я жил в другом домене и водил знакомство с тремя другими членами своего клана. Затем я перебрался сюда и спустя много лет добился позиции Сенешаля. И да, я сейчас пропускаю ту часть, в которой мне, “Дикарю”, нужно было добиться победы на общем голосовании. Спустя всего две недели после того как я одержал эту невозможную победу, ко мне заявили те трое Гангрел из моего прежнего города. Каким-то образом они узнали, где я осел. Я ещё не успел как следует привыкнуть к своим новым обязанностям, а они уже постучали в дверь моего кабинета и сказали: “Эй, мы же с тобой одной крови! Подыщи нам тут территорию покрупнее! Что твоё, то и наше!” Идиоты.

Элис: И они просто ушли?

Сантана: Разумеется, нет. Они ещё долго меня донимали. Тогда я и заприметил девчонку, которую они таскали с собой ради развлечения на поводке, как собаку. Розалиту. Ей довелось теперь стать моим собственным “сенешалем”.

Элис: Они отдали её вам?

Сантана: Нет. Но они просили поделиться с ними лучшим, что у меня есть. А самым лучшим для меня всегда оставалась крыша моего дома. Из просмотра записей с камеры наружного наблюдения я твёрдо знаю, что оттуда открывается особенно хороший вид на рассветное небо. Это самое лучшее, что я когда-либо видел. Я подарил это своим бывшим друзьям.

Элис: Вы не чувствовали угрызений совести по этому поводу?

Сантана: А что, должен был? Ты плачешь по клещам, которые присосались к твоему телу, когда зажигаешь спичку и тыкаешь в них горящим концом?

Элис: Значит, вся наша раса – просто клещи.

Сантана: Ты не слушаешь. Можем, мне проковырять тебе в ушах пару дырок, чтобы открыть их пошире? Среди нас есть черви, комары, вирусы. Я не один из них, а потому не испытываю ни

малейших угрызений совести, когда избавляюсь от них любым доступным способом. Чуть раньше ты спрашивала, многие ли из нас состоят в Инвиктус. Вот что я отвечу. В Инвиктус состоят те Гангрел, которые любят получать ровно столько, сколько они вложили. Большинству остальных представителей нашего клана нравится просто получать.

Элис: Значит, я просто клещ?

Сантана: Я не говорю с клещами.

Элис: И что меня отличает?

Сантана: Ты готова работать. Может быть, ты ещё молода и глупа, но ты не из “Дикарей”. Это может измениться, поэтому может быть, через какое-то время мы уже будем врагами. Но можем стать и друзьями.

Элис: Иногда мне кажется, что внутри меня живёт самый буквальный и настоящий Зверь, которому хочется выть, бегать на четырёх лапах и догонять напуганную добычу.

Сантана: Тогда борись с ними. У меня тоже есть свои демоны. Я запер их под семью замками и растворил ключи в кислоте. Но это тема для другой встречи. Этот разговор окончен. У меня есть кое-какие дела.

Уходя от Сантаны, я даже не представляла, что позже мне пришлют фотографию из городского отеля, в который, судя по слухам, Сантана заглядывал вскоре после разговора со мной.

На фотографии видны трупы пятерых мужчин в длинном коридоре с флуоресцентными лампами. Рядом с теми местами, где лежат трупы, кровь заливают и стены, и двери. По меньшей мере в одном месте видна целая дорожка из крови, явно оставшаяся от человека, который пытался сбежать. Ещё в одном месте кровь капает с потолка. У одного из убитых перегрызено запястье, как будто кто-то пытался не просто высосать кровь, а откусить ладонь целиком.

Это правда сделал Сантана? Так он запирает своих демонов? Мой тайный информатор, приславший эту фотографию, добавил к своей посылке комментарий: если ему верить, Сантана делает это раз в год. Ровно одну ночь в году он выходит из своего убежища и творит всё, что пожелает его Зверь. Возможно, он даже не знает, что делает это. Возможно, Сантана действительно верит, что он “запер демонов под семью замками и растворил все ключи”.

Что заставляет нас быть такими жестокими?

Мать Дженис

Дженис называет себя жрецом Ланцеа Санктум. Жрецом – не жрицей, она сама меня поправила. У себя в домене она работает исповедником для всех местных Гангрел. Нам так и не удалось встретиться лично, потому что живёт она по другую сторону Атлантики, а когда Гильда отправила меня в Польшу, я была занята другими делами. Тем не менее, нам удалось созвониться.

Элис: Я слышала, вас называют “Матерью позволений”.

Дженис: Я тоже так слышала.

Элис: А почему?

Дженис: Члены нашего клана обращаются ко мне за позволением совершить тот или иной поступок. Конечно, решение принимаю не я. Я лишь говорю им, что допустимо в глазах Божьих, а что нет.

Элис: И что же допустимо?

Дженис: Бог наделил нас правом на хищничество. Наш клан обладает исключительной приспособленностью к выживанию и охоте. Нам легче выследить добычу. Мы охотимся в стаях. И мы разделяем пищу друг с другом. Во всяком случае, в моём городе.

Элис: А что недопустимо?

Дженис: Считать себя животным и быть животным. Бог дал человеку власть над землёй и её обитателями, а Благословенных он наделил правом господствовать над человеком. У нас нет ни малейшего права вести себя как что-то низшее. Ни как люди, ни как животные.

Элис: Но многие из нас живут за пределами городов. Это грех?

Дженис: Нет. В Библии почти ни одна история не обходится без упоминания о дикой природе. Это же касается многих других Священных Писаний, включая Завет Лонгина. Больше того, дикие леса, горы и даже пустыни являются местами священного обновления. Именно здесь мы избегаем оков материального мира и входим в контакт с самим Богом. Не поймите меня превратно: это место испытаний и боли. Голод и жажда будут сводить вас с ума. Вам встретятся своенравные духи и мстительные создания из плоти и крови, которых вы не увидите ни в одном городе или даже его окрестностях. Жить за городом тяжело. Именно поэтому мы так часто выбираем дорогу кочевников. Мы священное племя, расселяющееся по миру с вестью об истинном Боге подобно тому, как это делали иудеи. Многие из нас ещё не обрели веру в Бога, однако она сокрыта в каждом из Дикарей.

Элис: Я слышала, некоторые считают вас анархистом?

Дженис: Почти любая религиозная традиция знает тех, кто восстаёт против несправедливости. Даже Рим был империей грешников и язычников прежде, чем стал одним из ранних оплотов христианства. Я тоже несу свой крест и свой факел. Если я прихожу в новый домен, но никто не слушает мои слова, я начинаю действовать. Я бросаю факел под ноги этих слепцов. Я размахиваю мечом, как Христос на белом коне. Я становлюсь Рукой Божьей, несущей веру и милосердие.

Элис: Вот как.

Дженис: Знаете, я зря позволила себе сравнение с Христом. Это была метафора – не буквальное сопоставление.

Элис: Я хочу спросить... и сразу скажу, что я ещё очень молода и могу не понимать, как всё устроено в нашем обществе, но вы не боитесь последствий за свои действия?

Дженис: Я хранима Богом и Церковью. Я не боюсь никаких последствий. Теперь позволь задать вопрос тебе самой. Ты спасена?

Элис: Спасена?

Дженис: Тебя уже коснулся Бог?

Элис: Пожалуй, я верю в него. Но я не уверена, что хорошо понимаю ваш вопрос...

Дженис: Прощай, Элис. Поговорим, когда ты будешь нести собственный крест. Надеюсь, твои поиски сведений о нашем клане увенчаются успехом.

Элис: Откуда вы знаете о моих поисках?

Дженис: Нет ничего, о чём не знал бы Господь. А я знаю всё, что известно ему. Прощай, Элис.

Иерофант Серинитис

Я встретила своего первого Князя из числа Гангрел. Он называет себя Иерофантом, и он нетерпим к чужакам. Либо вы состоите в его культе, либо вы живёте на окраинах. Я, видимо, исключение. Он не позволил мне взять с собой диктофон, и мне приходится записывать всё по памяти. Проклятая мышечная память заставляет руки трястись.

Наша встреча проходила во время церемонии Колдовского круга, которую Князь называет Севом. Меня пригласили в старую церковь в поганой части домена. Сначала внутрь вошли все “дети” Князя – не его буквальные потомки, а последователи его культа. Серые одежды. Серебряные маски в форме звериных пастей и птичьих клювов. Меня впустили последней, и долгое время мы сидели молча.

Обычно я не чувствую холода, но Князь не появлялся почти целый час, и в этой тишине я начала замерзать – не знаю, от физической ли температуры или от собственного страха. Когда он вошёл, все вдруг склонили головы. Могу поклясться, что кто-то вздрогнул.

Серинитис был нагим, хотя на его плечах красовалась шкура животного, а на лицо была натянута маска оленя. В отличие от серебряных масок всех Аколитов, его маска, похоже, была настоящей. Или мне так показалось.

Иерофант выпятил грудь, а затем положила на неё левую руку с жёлтыми когтями. Он соскрёб со своей груди несколько полосок кожи вместе с мясом. Затем он склонился над алтарём и разбрызгал по нему кровь. Когда он стал размазывать её по поверхности алтаря, я подумала, что такими движениями ребёнок размазывает краски по листу бумаги.

Затем он стал указывать на тех, кто сидел на скамьях – всего двадцать три Аколита, – и они приблизились к нему. Все пролили кровь на этот алтарь. Один отодвинул маску и оторвал себе ухо. Другой сунул руку под маску и... кажется, сделал что-то со своим языком. Все проливали кровь из разных мест: предплечья, горла, ладони. Наконец, все они сели на скамьи с венками на головах...

И тут он указал на меня. Я хотела выкрикнуть, что не принимаю в этом участия, но что-то подсказало мне, что нарушать тишину будет ещё хуже. И я поднялась к алтарю.

Он молча протянул мне нож. Не зная, что именно от меня ожидается, я сделала небольшой надрез у себя на голове и позволила ей стечь на алтарь. Господи, как он пах кровью! У меня даже голова закружилась. Крови было столько, что во влажной поверхности алтаря отражались звёзды – как я уже говорила, церковь находилась в поганом районе города и в её крыше уже успели образоваться отверстия.

На мгновение мне показалось, будто в крови отражается моё лицо, но оно как будто бы обладало собственной волей и пристально изучало меня саму. Видение продолжалось всего мгновение. Я поспешила заживить рану и тотчас почувствовала на себе взгляд Иерофанта. Он ничего не сказал, и я медленно шагнула назад. Поскольку меня никто не остановил, я развернулась и быстро скрылась в дальней части церкви.

– Сев окончен, – возвестил Серинитис. – Но ночь только начинается. В городе объявились браконьеры, пьющие кровь двуногой добычи на наших землях. Многие из них причисляют себя к Благословенным. Я созываю священную охоту. Принесите мне их лица.

Культисты молча бросились к выходу – с таким единодушием, что от шума их одежды и топота ног в церкви раздалось эхо. Я не знала, должна ли идти с ними и охотиться на Благословенных. Я не называла себя Аколитом и не носила маски – но я ведь пролила кровь на алтарь. К счастью, прежде чем я успела решить, что делать, он снова указал на меня.

– Пойдем со мной, – сказал он. – Ты хотела поговорить, так давай же поговорим.

Его комната была полна... запахов. Противоречивых запахов, словно сходящихся друг с другом в вечной дуэли. Жизнь и смерть. Гниль и свежая кровь. Грязь и цветы. Пыль и мускус. Он велел мне сесть рядом с ним на полу, но я не смогла. Я хотела последовать его указу, но вы же не стали бы садиться рядом с пантерой или прыгать в бассейн к крокодилу, не так ли?

Поэтому я присела напротив него – и поближе к двери. Я прекрасно знала, что он это понимает, но к этому моменту мне было уже не до вежливости.

– Вот кто мы есть, – сказал Серинитис. – Дикари. Но не простые дикари, а *вожаки дикарей*. Мы призваны быть атаманами и генералами, ярлами и иерофантами.

Я не смогу передать каждую из его реплик по памяти, но одно скажу наверняка: он рассказал мне много коротких, но показательных историй о наших *ролях*. Серинитис рассказывал о Ярле Фарерских островов – так называемом Лорде Зисле, – который правил морскими Сородичами, пока однажды не сорвался со скалы и не пропал где-то в водах своего моря. Он рассказывал о тольтекских императрицах, которые правили смертными и Сородичами и принимали в свои ряды только Гангрел. Он рассказывал о вожде по имени Ноло Кива, который считал себя стражем загробного мира и правил теми, кто обитал в местах священных захоронений Южной Америки.

Он рассказывал о христианском Дикаре по имени Гибульд, который нёс слово своего Бога неверным и повергал врагов в ужас одним лишь видом своего легиона змей. По его словам, Гибульд исповедовал именно христианство, а не “гнилое учение Лонгина”, а потому Благословенные вычёркивают его имя из любых доступных источников.

Он рассказывал о троице Гангрел, которые пытались спасти Рим от захвата: одноглазой служительнице культа авгуров, называвшей себя Венус Генетрикс, о благородном воине с севера по имени Мартин и о бывшем жреце Ланцеа эт Санктум (как тогда называли себя Благословенные) по имени Тимориус. Все трое пали, спасая Рим и его Сородичей, а Инвиктус призвали забыть их имена лишь потому, что иначе все бы помнили, что когда-то даже Инвиктус нуждались в помощи таких отступников и язычников, как эти трое. Скажу больше: Иерофант разразился проклятиями в адрес Инвиктуса, обвинив их в том, что они пытаются изобразить себя как наследников первых церквей и ставленников самого Лонгина, в то время как свою власть они получили благодаря язычникам и теургам, жившим задолго до Лонгина и Христа.

Наконец, он поведал мне о Священном гептате – группе из семи Гангрел, которые, если верить легендам (здесь он неохотно признал, что это могут быть просто мифы), первыми освоили ритуалы Крúака и передали их своим потомкам. Каждый из них Обращал по семь смертных, а те – ещё по семь, и большинство из них становились первыми Аколитами.

– Это может быть мифом, но у нас есть собственные писания. Тексты о древнейших ритуалах и тайнах. Увы...

Я подождала, пока он продолжит, но после короткого молчания он сказал:

– Ты ещё слишком молода, и я тебя не знаю. У меня не было возможности тебя испытать. Не скрою, ты отличаешься от остальных. Надеюсь, тебе удастся выполнить свою миссию.

Я попросила его продолжить. Когда он не стал, я начала умолять. Это на меня не похоже. Я никогда не прошу того, чего мне не хотят давать. Но мне казалось, что это важно для меня лично. Возможно, так оно и было, однако он лишь сказал:

– Не сейчас. Скоро, но не сейчас.

Дорога в пряничный домик:

Волки в Капитолии

Судя по контексту, эта часть дневника была написана Элис ещё во время её пребывания в Восточной Европе – а значит, ещё до описанных выше событий. Опять же, я предупреждал насчёт хаотичности её записей.

Как я уже сказала, у нас есть свои Капитолии. Если верить Людо, совсем немного – около дюжины по всему миру, хотя он признал, что у него давно не было возможности обновить счёт. Под Капитолием варшавские Сородичи понимают что-то вроде коллективного убежища Гангрел. Похоже, что местный Князь – Мэр – не жалуется это место. Но традиция есть традиция, а кроме того, если Мэр попытается устранить Капитолий в своём домене, он расшевелит осиное гнездо и у себя, и в других доменах. Дикари *ценят* свои Капитолии. Если кто-нибудь попытается их закрыть, они нанесут Князю визит и выразят своё недовольство.

Кроме меня тут были ещё семеро Гангрел, которые в равной мере обменивались ругательствами и историями. Один из них предложил мне обменяться футболками. Видимо, из-за крови, засохшей на ней. На футболке красовалась надпись (к счастью, на английском): *Не называй медведя дядюшкой, пока не перейдёшь через мост*. Я спросила его, что это значит. Он лишь пожал плечами.

Вскоре за нами подъехала машина, и мы с Людо вышли на улицу. Нас ждёт встреча с Мэром.

Сон: Погоня

У меня появились сны. Я вроде уже писала об этом. Они посещают меня на каждый каждый день и даже не каждую неделю. Но достаточно часто, чтобы меня напугать. Последний из них посетил меня сразу после встречи с Иерофантом.

Я шла сквозь туман, чувствуя себя слепой и немой и ощущая лишь грубую кору под пальцами рук. Я слышала биение своего сердца. Затем в тумане появилась фигура Иерофанта. Почему-то я сразу подумала, что он вестник от Бабы Яги. Мне захотелось бежать – не знаю, к нему или от него, – но что-то привязывало мои ноги к земле, как будто я наступила в болотную жижу. Иерофант показал мне в сторону одного из деревьев, и я увидела слово, вырезанное в коре.

Сдайся.

Я проснулась голодной.

Полуночные дороги, часть V

Забавно. Не в смысле “так забавно, что можно животик надорвать”, а в смысле “какая же странная штука эта судьба”. В начале этого дня, за считанные минуты до восхода солнца, мне удалось выйти к заброшенной бензозаправке. Я скрылась в кладовке, а наутро нашла на стойке чей-то дневник. Привожу его здесь целиком.

Надеюсь, кто-нибудь это найдёт. Страшно даже подумать, что никто никогда не прочтёт эти строки. Мы с мужем ехали в другой город. С наступлением темноты мы обнаружили, что у нас не работают фары, и мы становились здесь, на заправке посреди леса. Внутри мы нашли только одного человека – Кугера, если верить имени на его комбинезоне.

Джек – мой муж – пошёл с Кугером посмотреть на неисправность. Тот заглянул под машину и вдруг сказал что-то вроде “кажется, я знаю в чём проблема”. Джек наклонился, и тут я увидела, как Кугер поворачивается к нему с какой-то странной улыбкой. Он сказал: “Проблема в том, что вы покинули мир живых миль эдак пятьдесят назад”. В этот момент из-под машины вырвался рой жуков, или пауков, или... не знаю. Меня начало рвать. Джек попробовал отскочить, но жуки начали его кусать, а Кугер пошёл к нему, и у него уже не было рук, только волосатые лапки, как у паука, и вместо двух человеческих глаз у него были восемь звериных, и... я потеряла сознание. Я проснулась несколько минут назад. На заправке никого нет. Машины тоже нет. Тело Джека лежит рядом со мной. Он обескровлен. Мои ноги покрывают сотни укусов. Я чувствую, что моё сердце стучит, не знаю, раз в минуту?

Господи, я не знаю, что происходит, но если кто-нибудь прочтёт эти строки, передайте моим детям, что папа и мама любили их.

Лорд и лев

Мне прислали письмо. Откуда все узнают, чем я занимаюсь? От Гильды? У меня уже голова кругом.

Пишу тебе, бедная девочка, где бы ты ни была. Я тоже составляю тексты о кланах для одного нанимателя. Может статься, что для того же, на которого работаешь ты. Неважно. Я пообщался с одним заносчивым Вентру. Задолжал ему услугу. Никому не хочется задолжать Вентру, вот и мне не хотелось. Но я задолжал.

Когда ты что-то должен Суккубу, это может быть даже забавно. Они придумывают интересные способы возвращения долга. Призраки поручают что-нибудь жуткое и непостижимое. Тени – понятия не имею, никогда с ними не связывался. Но Вентру всегда просят что-нибудь унижительное для тебя лично.

Однако есть один маленький грязный секрет. Ещё до того как ты должен явиться к Вентру, чтобы вернуть ему долг, ты можешь нанять кого-нибудь из Дикарей и сказать: “Вот адрес его дома. Сделай так, чтобы завтра он не проснулся”.

Это не признание. Это совет. Если ты задолжаешь Вентру, подумай о том, кого ты можешь нанять.

С наилучшими пожеланиями,

Твой Лев

Полуночные дороги, часть VI

Прекрасно быть вампиром. Что ни ночь, то очередное безумие.

Это сарказм, если вы не заметили. Я встретила стаю Дикарей в Колорадо. Нормальные парни, хотя и с немного садистским чувством юмора. Их вожак Мордекай рассказал мне историю. Историю об одной женщине, целой стае вампиров и нескольких оборотнях.

– Оборотнях? – переспросила я.

Он кивнул. Он их видел. Оборотни – лучшие охотники на свете. Они остервенело защищают свои территории, но если вы не создаёте им проблем, они не станут мешать и вам. Так он говорит. Так говорит вся его котерия.

Мордекай сел на обочине дороги и сказал:

– Это произошло здесь. Одна молодая девушка по имени Джессика обнаружила поломку в своей машине и вышла наружу посмотреть, что происходит. Случилось это уже после наступления темноты, а на улице было холодно и туманно. Пока она осматривала машину, ветер выл в скалистых горах вокруг этой дороги, словно оплакивая её судьбу. Джессика набрала номер своего бойфренда, но тот не отвечал. Проклиная всё на свете, она забралась обратно в машину, надеясь хотя бы немного согреться. Тогда она и увидела, как из тумана образуются тени.

Три тени, если конкретнее. Высокого человека с пожарным топором в руках и двух крупных собак – огромных, гигантских собак! – которые шли по бокам от него. Поначалу она приняла их за немецких овчарок или сибирских хаски, однако по мере того как они приближались, она всё отчётливее понимала, что это волки. Ручные волки.

Её разум уже начал рисовать ужасающие картины. Вот она лежит на столе в какой-нибудь одинокой хижине, затерявшейся среди скал, и собаки смотрят, как человек рубит топором её тело. Потому что они знают, что когда он закончит, все лучшие части он заберёт себе, а остатки отдаст им самим.

Джессика попыталась закричать, но её пересохшая глотка не издала ни звука. И тут раз! Рокот разносится по всем окрестностям. Один из волков взвизгивает и убегает в туман. Ещё раз! И вот уже второй волк, а за ним и человек бросаются прочь.

Из тумана позади машины, в которой трясётся Джессика, выступает человек с винтовкой. Он облакачивается на её машину и спрашивает, в порядке ли она. Он говорит, что в этих местах хватает преступников, и предлагает сопроводить её до ближайшей закусочной. Едва шевеля губами, Джессика соглашается, и вот спустя какое-то время она уже улепётывает яичницу и десерт, запивая её крепким кофе. А человек с винтовкой звонит в полицию.

Человек возвращается к ней и говорит, что его зовут Виктор. Это правда. Его звали Виктор уже сотню лет, однако об этом он, разумеется, не говорит. Как не говорит и о том, что другие люди в закусочной, да и полиция, которая вот-вот явится на вечеринку, тоже выбирают на улицу лишь по ночам.

Джессика не замечает, как официантка облизывает свои чёрные губы, похожие на два аккуратных синяка, и как один из посетителей шепчет другому: “Смотри, как ест этот сочный ягнёнок!” Видите ли, Джессика приняла за врагов человека с топором и его волков. Однако в действительности опасность здесь представлял Виктор и его свора.

Однако ошибку допустил и Виктор. Он думал, что отогнал человека с волками. На самом деле он их лишь раззадорил.

Стёкла закуской разбиваются вдребезги. В образовавшиеся проёмы влетают волки попеременно с людьми, но и люди превращаются в волков прежде, чем их стопы касаются пола закуской. Они хватают вампиров клыками и рвут их когтями. Увы, Джессика к этому моменту едва дышит. Виктор и пара его друзей уже высосали её почти досуха.

Оборотни спасают её. Она выживает благодаря их причудливой ритуальной магии. Но она всегда будет помнить кошмары об этой ночи, а её мозг никогда не восстановит часть потерянных функций. Оборотни знают, что это нестрашно. Джессика станет сильнее. Нельзя стать сильнее, ничего не потеряв. Таков основной принцип жизни.

Мордекай закончил историю, и вскоре мы разошлись. Замечу, что он прекрасный рассказчик. Не знаю, что из этого правда, а что – его собственный вымысел, но вся его котерия утверждает, что оборотни регулярно встречаются в Скалистых горах Колорадо. И не все из них враждебны к вампирам. В сущности, многих из них плевать на Сородичей.

Мораль истории? Держитесь поближе к собственной территории и не слишком светитесь на чужой.

Сон: Беседа

Она заговорила со мной вчера днём. Мы стояли на равнине, покрытой полевыми цветами, хотя каким-то образом я чувствовала, что земля здесь мертва. Над головой каркали вороны и светило солнце. Меня оно не обжигало. Я чувствовала себя так, словно попала в какой-то бастион чистоты и свободы посреди этого тёмного, гадкого мира.

Она глубоко вздохнула. Я попыталась, но не смогла.

Я спросила:

– Кто ты?

Но она ответила вопросом:

– Кем ты меня считаешь?

– Я думаю, ты – это я.

– Нет, это совсем не так.

– Но ты выглядишь почти как я. И твой голос звучит как мой.

– Почти. В этом всё дело. Только *почти*.

– Ты – это почти я?

– И-мен-но.

– Ты призрак? Демон?

– Наверное, то и другое.

– Ты отражаешь мою сущность? Ты – мой голод? Ты – моя жажда?

– Пожалуй. Но я ничего не отражаю. Я внутри тебя.

– Так ответь же мне, кто ты на самом деле.

– Я отвечу, когда ты сдашься.

– Что?

– Когда ты сдашься. Сдайся.

– Я не сдамся. Особенно пока не буду знать, что это значит.

– Сдаться значит сдаться. Сдайся.

Дорога к пряничному домику:

Мило, темно, глубоко

Я в лесу на границе между восточными регионами Польши и западом... Белоруссии, если я правильно понимаю. Большая часть этого леса обустроена для путешествий. Но не те места, в которых я оказалась. Здесь нет никаких дорог и парковок. Только узкие тропы, протоптанные оленями. И шипы, и ветви, и свет луны, просеивающийся сквозь кроны, как через решето.

Баба Яга, я иду к тебе. Я либо найду тебя, либо сгину на пути к твоим тайнам.

Я чувствую себя... голоднее. Не в том смысле, что я растратила все запасы крови или что я давно не питалась. Я просто чувствую, как с каждым шагом по этому лесу моя жажда усиливается, а мои мысли становятся всё абстрактнее, пока не остаются только инстинкты. Я всё ещё мыслю, но в основном о еде. Об оленях. О кабанах. О призраках кабанов и оленей. Если здесь умирает столько животных, их призраки должны всё ещё населять леса, разве нет?

По-моему, я схожу с ума.

Я это сделала! Я поймала оленя.

Настоящего. Не призрака. Но мне кажется, что поймать оленя мне помогли призраки. Я видела какие-то сумрачные силуэты, как будто полупрозрачные фигуры оленей убегали от меня, иногда останавливаясь и глядя подманивающим взглядом: иди, мол, сюда.

Я убила оленя и вгрызлась ему в шею. Не то чтобы я сильно беспокоилась о правах животных, но раньше мне не казалось, что я на это способна. Я не хищник. Я не пожиратель животных, не волк и не зверь. Но сейчас я несу на себе тушу оленя, и кровь стекает по моему подбородку. И мне это нравится, несмотря на то, что во время драки олень разорвал мне ухо рогами.

Я его нашла. Дуб короля Владислава II Ягелло. Не то польского, не то литовского, который спал здесь после какой-то... не знаю, схватки? Кто теперь разберётся. Старое могучее дерево, рухнувшее от ветра или от удара молнии. Но Людо говорил, что это дерево – не настоящее. Оно для туристов. А вот за ним, если хорошенько поискать, можно найти Тот Самый Дуб.

Я его нашла. Я принесла к нему тушу оленя, и дерево застонало под ветром. Каким-то образом я поняла, что это и есть то дерево. Что-то меня сюда привело. Не знаю, что, но мне *разрешили* его найти.

Я простояла под ним целый час. Пару минут назад я записала то, что сейчас красуется на твоих страницах, мой дорогой дневник. И извини за кровавые пятна: я окропляла кровью оленя корни могучего дуба.

Полуночные дороги, часть VII

Всего пара слов на сегодня.

Я нашла это граффити на стене в подземке. Спасибо, безумный парень, который пишет в подземках. Это... необычно.

Молот ведьм вот-вот обрушится на вас. Защищайтесь! Стадо ЗНАЕТ! Господь, спаси наши души. Молитесь!

Звонок

Мне позвонил Иерофант Серинитис.

Он сказал, что видел сны обо мне. О том, кем я могу “стать”. О том, что ветры меняют своё направление. Он знает, что я видела какое-то отражение в своей крови на алтаре. И если я хочу поговорить с действительно древним Дикарём, мне следует искать Женщину (он произнёс это с таким нажимом, что я записываю это слово с прописной буквы) или одного из “истинных старейшин”. Я сказала, что не готова встретиться лицом к лицу со своей сущностью, и тогда он предложил мне выбрать второй путь. Адрес одного из “истинных старейшин” теперь у меня. Похоже, мне пора собираться в Лондон.

Дорога к пряничному домику:

Ни одной ведьмы не пострадало

Йежибаба, Йежибаба. Я – Йежибаба. Первую из нас звали Ядвига, и она была Матерью битв. Вторую звали Миша Коза, и она была Рогатой. Третья была Василисой Прекрасной. Четвёртую мы не называем по имени. Пятой стала я, Аграфена Третьякова.

Мы все Йежибабы. Поворотись-ка к лесу задом, лицом ко мне. Это мой дом. Это умирающее дерево. В лесу всегда остаётся Йежибаба. Оберегая лес, мы оберегаем и всё древнее, что осталось в мире. Ты – часть этой земли, но тебя не станет в мгновение ока. Мы же вечны. Мы тоже часть этой земли, но мы были, есть и будем всегда.

В любом тёмном лесу есть дерево, к которому ты можешь обратиться, чтобы тебя услышала Йежибаба.

Ты умерла совсем недавно. У тебя ещё чистое сердце. Мой кот Афанасий думает, что ты красива. Мой пёс Гриша считает, что ты верна. Моё дерево Болеслав верит, что твои корни сильны. Моя дверь Сергей считает, что твоё сердце открыто. Мои слуги благословили тебя так же, как некогда они благословили меня. Я отмечу твою голову своим знаком – невидимым знаком, хоть я и наношу его кровью, грязью и пылью. Этот знак есть и у меня.

Тебя смогут увидеть те, у кого внимательные глаза. Мои верные слуги. Они будут знать, кто ты.

Отдыхай же. У меня есть кровь с твоего языка и волосы с твоей головы. Я их пока придержу у себя. Может статься, когда-нибудь ты станешь Йежибабой.

Прозрение слепца

Знаете что? У нас почти нет шансов узнать историю своего клана. Мы с трудом узнаём о том, чем мы – как клан в целом – занимались сто лет назад. Но понять, чем мы занимались двести, пятьсот или тысячу лет назад, и вовсе практически невозможно. Вот на что я наткнулась в одном Чайнатауне.

Блэкмурский авгур

Любите истории? Вот вам история. Лет пятьдесят назад жил один гангстер: Фрэнки по прозвищу Вилка. Он любил убивать своих жертв, втыкая им вилку в глаз. А потом он пожирал их как оливки. Одному из местных Дикарей понравился Фрэнки, и он его Обратил. Но сначала он сам воткнул ему пару вилок в глаза. Трудно сказать зачем. Может, ради забавы. Может, из странного чувства мести за этих жертв. Кто знает?

Фрэнки обнаружил, что остаток вечности ему придётся жить в своём внутреннем мире. Точнее, так он решил поначалу. Потом он всё-таки нашёл выход. Он начал общаться с птицами. Голубями, воронами, воробьями. Он их отлично кормил: и едой, и собственной кровью.

Зачем он это делал? Конечно, хотя бы отчасти – ради простого общения. Но если верить его дневнику и полубезумным, корявым надписям на стенах его убежища, он верил, что в каждом животном живёт частичка мёртвого Гангрел.

Чего я только не насмотрелась! Одна запись гласила, что вороны и совы боятся ворон и сов, которые на самом деле не имеют ничего общего с воронами и совами. Ну, как вам?

А вот ещё: “Её звали Мэри, Мэри Чайка. Она не хотела быть мёртвой и мечтала вернуться обратно к живым. Тогда она вскрыла себе грудную клетку и сделала из неё... грудную *клетку для птиц*. Когда она умерла, она сама стала птицей”.

Или вот: “Кукушки разносят вести. Они – не более чем голос, разносящий по миру сведения для тех, кто готов их слышать”.

Дорога к пряничному домику

Проснись и пой, тебя ждёт пирожок с кровью

Я к этому не готова. Я хотела просто выполнить свою задачу и узнать больше о своём клане. Теперь я связалась с драной Бабой Ягой. Я могу *стать* Бабой Ягой. Скоро моя голова лопнет, и над ней поднимется ядерный гриб, который увидят Сородичи по всему миру.

Где я вообще? Уж точно не в Польше. И не в Белоруссии, и не в России. Я у себя в Америке, и рядом со мной лежит билет в Варшаву, как будто им не пользовалась и никуда не летала. Вот только лежит он в ведьмовской колбе. И у меня болит голова – там, где меня коснулась Яга.

Я могла бы позвонить Гильде и спросить, что происходит, но она заодно с ней. С Бабой Ягой. Поэтому лучше мне притвориться, что я действительно никуда не летала. Может, когда-нибудь я сама в это поверю.

Дракула

Эти два ублюдка проехали через мой домен около года назад. Половина байкеров по всему штату гналась за ними следом. Правда, мне не удалось с ними как следует поговорить. При встрече с моими людьми они убили двух моих лучших Церберов. Ту загадочную шкатулку³, которую они таскали с собой, я получить тоже не смог. Однако на мой взгляд, в путешествии этих двоих засранцев и состоит вся сущность дикарства, дикости и Дикарей.

Хардейкен

Дракула

До пацана всё ещё не доходит, что ему не следует вставать у меня на пути, и поэтому я говорю ему, что я – Граф Дракула.

– Ты не можешь быть сраным Дракулой, – говорит он, хотя возражать в таком тоне вампиру моих габаритов редко бывает хорошей идеей.

– Я не сказал, что я сраный Дракула. Я сказал, что я сраный Граф Дракула. Это наследный титул. Я старший правнук Дракулы по мужской линии, поэтому я сраный Граф Дракула.

– Но я уверен, что Орден знал... бы... – говорит парень и пятится назад, пока не упирается спиной в стойку с сигаретами.

– В этом городе Ордена нет. Спроси, как я могу быть в этом уверен.

– Как ты... вы можете быть в этом уверены?

– Я сраный Граф Дракула. Если бы мой спятивший культ был где-нибудь в этом городе, уж наверняка я бы его заприметил.

– Вообще-то, у них лаборатория на юге...

– Мать твою, парень, если ты думаешь, что я там ещё не побывал и не разнёс всё вдребезги, ты, видать, считаешь меня немного тупым.

Он не может сдержаться и улыбается, поэтому я прописываю ему хороший удар в печёнку.

– Знаешь, что ещё наводит меня на мысль, что Ордена в городе нет? То, что Шерифом здесь стал такой щенок, как ты.

Ладно-ладно, настоящий Граф понимает ценность вежливого обращения с подданными. Поэтому я смягчаю голос и говорю:

– Слушай. Я понимаю, что не ты виноват в том, что во всём городе осталось всего три Сородича, и из всех троих лишь тебе хватило силёнок стать Шерифом. Но когда к тебе обращается такая знатная особа, как я, ты должен вести себя как подобает. А в настоящий момент это означает всего одно: ты должен ответить на мой вопрос.

– К...какой вопрос?

Я повторяю вопрос, и Шериф-без-яиц показывает мне на восток. Моего друга увезли на восток.

³ Очевидно, имеется в виду Стекланный гармонизм, описанный в книге *Mekhet: Shadows in the Dark* и упомянутый в *Nosferatu: the Beast that Haunts the Blood*.

Что, удивлены? У Графа есть друзья. У Графа есть даже леди. Граф разводит их в особых местах по всем дорогам на свете. Не может же Граф связываться с незнакомками, шлюхами и другими особами неизвестного происхождения.

Я говорю Шерифу, что ставлю ему пятёрку с плюсом за понятливость, и отправляюсь за Феликсом.

Феликс

Огогошеньки, меня снова похитили. В который раз меня запирают в багажнике и куда-то везут, прежде чем сраный Граф догоняет моих похитителей и вытаскивает меня наружу. Правда, на этот раз в моём похищении есть кое-что уникальное. Оно называется *мои руки*.

Мои руки лежат рядом со мной в багажнике и потихоньку гниют. Видите ли, я слишком сильно ими размахивал, когда меня сюда пихали. Какой-то умник решил отрезать их и положить рядом.

Ну, попробуем! Я перекачиваюсь на спину и стараюсь присоединить культы к отсечённым рукам. Как-то раз мне уже удавалось прирастить отрубленную ладонь, поднеся к ней запястье. Но, кажется, в этот раз всё немного похуже. Руки успели загнить. Я мог бы попробовать отрастить их заново, но для этого нужна кровь. А с этим у меня проблема.

Кроме того, я ещё никогда не отращивал органы и конечности заново. Мысль о том, что я никогда не верну себе рук, заставляет меня замереть. Я не смогу никому пожать руки. Я не смогу помахать на прощание женщине. Что там – я не смогу как следует облапать тёплые, сочные сиськи, даже когда они будут находиться у меня перед лицом.

Меня зовут Феликс. Не беспокойтесь: то, что вам рассказывали обо мне и моей сестре, даже близко не соответствует действительности. Я этого не делал. Хотя не знаю, что именно вам рассказывали: история разнится от домена к домену. Моя любимая версия заключается в том, что мой “отец” послал её “спасти” меня.

В итоге моя “сестра” дала мне машину, бросила в неё музыкальную шкатулку, которая должна была погрузить моего “отца” в самый мирный торпор на свете, и сказала ехать их города прочь. Правда, она забыла упомянуть, что машина украдена. Через пятьдесят миль меня остановил полицейский – который, оказывается, работал на местных Сородичей.

Меня повязали (не смертные, разумеется) и швырнули в багажник. После этого мне оставалось только одно. Испустить зов, который услышит самый опасный, грозный, уродливый сукин сын во всём христианском мире.

Дракула

Граф не жесток. Вы должны это понимать, иначе у вас сложится неправильное представление о моём поведении. Граф не жесток: просто он помнит то, что хранится в воспоминании его предка – Того самого Дракулы. А в этих воспоминаниях слишком много казней, крови и войн, чтобы я мог делать вид, будто не готов идти на необходимые меры.

В Америке меня часто описывают словом “thug”. Сородичи, обращающиеся к этому названию, даже не понимают, какой комплимент они делают. Слово “thug” происходит от названия секты индийских душителей тугов. Они убили сотни, тысячи или даже десятки тысяч людей – и при этом они нигде не прятались. Они просто жили обычной жизнью среди других индусов, пока не

приходило время провести очередной смертоносный обряд. Если бы они были вампирами, мы называли бы их подлинными мастерами Маскарада.

Я тоже мастер Маскарада. Мало кто обо мне знает, и в то же время у меня сотни знакомых по всему миру. Среди них хватает помощников или даже друзей – таких как Феликс.

Феликс постоянно влипает в неприятности. Возможно, это часть его шарма. Кто он? На самом деле, я даже не знаю. Он сам этого не знает – или, по крайней мере, не говорит. Он утверждает, что ему пятьдесят или шестьдесят, хотя я уверен, что более правильной цифрой будет пятьсот или шестьсот.

Дело обстояло вот как. Полвека назад Феликс спал мёртвым сном у себя в гробнице. Хрен его знает, сколько он не пробуждался, однако в конечном счёте его тело нашёл какой-то историк среди Сородичей. Этот засранец решил, что если он пробудит Феликса, тот расскажет ему о Тёмных веках, старинных Князьях и очаровательных принцессах – если вообще не о средневековых феях. Однако единственное, что помнил Феликс – это как похищать воспоминания других вампиров. Историк его растолкал. Феликс проснулся. Феликс забрал его воспоминания – откуда мы и берём цифру в пятьдесят лет, – и Феликс смотался куда подальше.

Теперь этот историк гоняется за ним по всему миру. Точнее, гоняется не он сам, а его сестра. Горячая сучка. То есть да, она та ещё сучка, но она горячая. У Феликса наверняка есть её номер. По крайней мере, Графу так хочется думать.

Феликс

Я не думаю, что Граф Дракула – тот, за кого себя выдаёт. Наверное, он говорит о себе не больше правды, чем я о себе. Но он потрясающий парень. Смотрите: два факта и вывод. Факт первый: Граф насыщается только когда убивает жертву. Факт второй: ростом он превышает два метра. Вывод: его должны замечать по всем окрестностям. Парень должен быть ходячим нарушением Маскарада. Правильно?

Чёрта с два. Настоящий вывод: Граф мастерски освоил Затемнение. Когда он снимает с себя эту гигантскую куртку и прилагает небольшое усилие воли, окружающие начинают принимать его за обычного человека. Не я, конечно. Но окружающие покупаются на его приём.

Дракула

Знаете, про моего прадеда чего только не рассказывают. И почти всё неправда. Когда-то мой сир заставил меня выучить все истории о Дракуле, существующие на свете, и найти в них несоответствия. Затем он приказал мне перевести кучу текстов, которые сам считал подлинными. Когда я это сделал, он потребовал, чтобы я перевёл собственные переводы. А потом ещё раз и ещё. В конечном счёте он показал, насколько последний перевод расходится с оригиналом. Мораль истории? Мы ни хрена не знаем о Дракуле. Только слухи и перетолки.

Интересно, кого Феликс так раззадорил, что его сунули в багажник какой-то тачки и повезли за тридевять земель по ночным дорогам. Однако что-то подсказывает мне, что за этим стоят мои родственники. Не потомки Дракулы. Гангрел. В смысле, мой прадед тоже был Гангрел. Я знаю, что вам рассказывают культисты из Ордена. Что у Дракулы не было сира. Я понятия не имею, кем был его сир, но он был одним из Гангрел. Другое дело, что Дракула оказался особенно диким. Дичайшим из дичайших среди дичайших. Вот почему он так стремился избавиться от своего проклятия.

Феликс, Феликс... где бы ты ни был, скоро я вытащу твою задницу из этого паршивого багажника. К счастью, в этом у меня нет никаких сомнений. С тех пор как я начал отслеживать своих врагов по всему свету, на земле сменилось несколько человеческих поколений. Культисты из Ордена. Клоуны из Колдовского круга. Когда кто-нибудь переходил мне дорогу, я отправлялся за ними, а когда они бежали на другой край земли, я спокойно шёл за ними след в след.

Феликс

Не знаю, сколько ночей прошло. Я насчитал три. Но могло быть пять. Или одиннадцать. Когда от голода сводит не только желудок, но и всё тело, трудно сосредотачиваться на счёте. Время от времени эти придурки открывают багажник и поят меня свиной кровью. Само собой, она мне ничего не даёт. Только смачивает горло. Но, по всей видимости, они считают меня неонатом. И это прекрасно: когда тебя недооценивают, легче выскользнуть из любого капкана.

Я начинаю разбираться, кто есть кто. Парень в футболке с Карателем – это Колпак. Девчонка с отсутствием фигуры – Ветка. Их лидер – Бутч, чёрт знает почему. Из того, что я успеваю понять за время их коротких переругиваний возле багажника, меня везут к какому-то богатенькому Сородичу, который уже не может (или не хочет) питаться простыми людьми. Свиная кровь это подтверждает. Для того, чтобы поддерживать кровь в жидком состоянии, вам нужны дорогие химикаты. Не всякий готов спустить несколько тысяч баксов на прокорм будущей жертвы.

Дракула

Граф не любит наркотики, но он любит использовать их как разменную монету. Поэтому по всем дорогам у меня стоит по лачуге, в которой варят метамфетамин. Им я обычно расплачиваюсь с людьми или гулями. Но когда приходит нужный момент, я смешиваю его с торазинном и кучей других психотропных средств, после чего накачиваю пару смертных, которых никто не хватится.

Зачем мне это делать? Видите ли, Граф смекнул, что целой группе похитителей, везущих связанного вампира по всей Америке, необходимы помощники. В любом домене найдётся тот, кто протянет руку помощи группе кочевников. А значит, мне достаточно накачать наркотой один-два десятка смертных и затем подождать, пока кто-нибудь из местных Сородичей явится за лёгкой добычей.

Так и происходит. Спустя пару часов к наркollyгам заглядывает тощая девка, похожая на скелет. Она уводит одного из одурманенных подростков за угол и начинает впиваться в него зубами. Я жду, пока она сделает несколько хороших глотков, после чего хватаю её за плечо. Она ощеривается и спрашивает, кто я такой, но вопросы здесь задаю я.

Разумеется, Граф не любит бить женщин без повода. Но сегодня повод у него есть. Поэтому Граф выбивает из неё дурь и спрашивает, что ей известно о кочевой котерии. Узнав, куда она направляется, Граф достаёт свой огромный нож и отрезает ей голову. Сходу этого сделать не получается: кровь бьёт ключом, а когда на одежду попадает слишком много крови Сородича, она начинает пахнуть гнилью. У Графа слишком дорогая одежда, чтобы он мог позволить её запачкать. Поэтому Графу приходится отрезать голову в несколько подходов.

Не подумайте, что я сделал это без повода. Она была с ними заодно. Она называла себя Веткой и грозила, что Бутч и Колпак до меня доберутся. Если бы я оставил её в живых, спустя считанные минуты кочевники бы узнали, что за ними идёт сам Граф.

Пора познакомиться с Бутчем и Колпаком.

Феликс

Они куда-то ушли, оставив тачку на обочине. Я всё ещё в багажнике, но прошлой ночью они дали мне крови человека. Ошибка с их стороны, но большая удача для меня. Я уже начал отращивать руки.

Проходит какое-то время, и я слышу чьё-то пыхтение. О мой багажник кто-то трётся. Двое. Я начинаю улавливать их речь, хотя она и не слишком богата изящной лексикой. Мужчина называет женщину “сучкой” и требует, чтобы она “взяла его полностью”. Женщина называет его “говнюком” и говорит, что ему “лучше не кончать слишком быстро”.

Похоже, традиция старого доброго траха на обочине не постарела со времён моего последнего знакомства со смертной культурой.

Я сильно бью ногой во внутреннюю поверхность багажника и кричу своим Особым Голосом:

– Эй, ребята! Меня тут заперли вместе с коксом. Кажется, я застрял. От кокса тут задохнуться можно. Шутки шутками, но я серьёзно влип.

Пыхтение прекращается. Какое-то время слышна только тишина.

Потом Сучка спрашивает:

– У тебя там кокс?

– Полный багажник! Мне тут развернуться негде.

Какое-то время я слышу беседу, густо замешанную на повторении слов “У тебя яиц нет” и “Прикрой рот”. К тому моменту, как я собираюсь снова прибегнуть к Особому Голосу, кто-то начинает возиться с замком. Багажник раскрывается, и две фигуры склоняются надо мной.

Я выскакиваю наружу, сходу тараня Сучку всем своим телом. Руки ещё не успели отрасти как следует, поэтому я разворачиваюсь к Говнюку и трижды бью его лбом в лицо. Сучка отползает куда-то в сторону кустов, поэтому я догоняю её и прихлопываю ногой. Она становится моей первой добычей за хрен знает сколько ночей.

Есть что-то особое в том, чтобы осушить смертного до последней капли. Какое-то особое чувство полного насыщения. Чувство... правильности в неправильном – можем мы это так назвать?

Правда, кровь Сучки и Говнюка наполнена побочными продуктами выпивки и наркотиков, и с каждым глотком меня начинает мутить всё больше. Однако сейчас я не в том состоянии, чтобы задирать нос и поправлять фартук. Я выпиваю всё до последней капли и ищу ближайший домен.

Дракула

Я большой поклонник пирсинга. Кажется, я забыл это упомянуть? Но мне не слишком-то нравится, когда какой-то мудака пытается воткнуть нож мне в ногу. Конечно, я не упускаю возможности сказать ему об этом – ровно перед тем как отсечь ему голову.

Ах да, разумеется, ещё незадолго до этого я успеваю с ним побеседовать. Он утверждает, что группа кочевников остановилась на местном байк-фесте. Байкеры со всего штата собираются здесь, чтобы попить пивка и погонять на крутейших стальных жеребцах в этой галактике. А кочевники останавливаются здесь для того, чтобы попить их крови.

Осталось недолго, Феликс. Скоро я тебя навещу.

Феликс

Я беру с Сучки и Говнюка лучшую одежду, а потому в толпе других бродяг, байкеров и наркоманов меня не так-то легко заметить. Первым я обнаруживаю Колпака. Он стоит у стойки в открытом кафе, делая вид, что прихлёбывает пиво. Я перехватываю одну из местных официанток (а официантки на байк-фесте – шлюхи практически по определению) и показываю ей на Колпака.

– Не обслужишь моего друга? Он немного стеснителен, но готов поспорить, что он поддастся на очарование такой красавицы.

Задним числом я замечаю, что привычно начал изображать ирландский акцент. Не знаю, в чём тут секрет, но люди никогда не ожидают ничего дурного от людей с забавным ирландским акцентом. До тех пор, пока вы не начнёте размахивать перед ними ножом, они будут вам улыбаться. Это срабатывает.

– Правда? – смеётся официантка. – Но он же... ну, крупный такой. И стесняется? Это так мило.

Точно, думаю я. Мило. Совсем забыл о магии этого слова.

– О, красавица, ты даже не представляешь, каким милым он может быть. Не скажешь ему привет?

Я растворяюсь в толпе и жду, пока Колпак не отправится с девушкой в какой-нибудь местный фургончик. Должен признать, Колпак сдерживается куда дольше, чем можно было бы ожидать. Они трахаются, и достаточно долго. Но, разумеется, в конце концов он поддаётся своим инстинктам. Она запрокидывает голову, обнажает шею... и Колпак притягивает её к себе, оскаливая клыки.

Я не собираюсь давать ему покормиться. Когда он уже начинает погружать клыки в её шею, я появляюсь у него за спиной. В своей свежесмытой правой руке я держу обрезок трубы. Его я и знакомлю с затылком Колпака. Он ещё жив, поэтому я повторяю налаживать контакт между черепом Колпака и трубой. Когда я заканчиваю, у официантки уже горло осипло от крика.

– Знай, что ты скрасила его последние минуты, – говорю я. – Честное слово.

Жаль, но я не могу её отпустить.

Дракула

Граф слышит выстрелы, а это значит, что Феликс уже где-то рядом. Граф вспоминает, за что он любит Феликса. Он любит его за ту лёгкую полуулыбку, которую выдаёт Феликс, когда собирается отомстить. Знаете, такую улыбку, в которой читается вежливый намёк: “Я, ты, этот скальпель... что бы нам сделать, чтобы скоротать время?”

Граф соскучился по этой улыбке, поэтому проходит сквозь толпу байкеров, которые уже начинают замечать выстрелы. Надо добраться туда побыстрее.

Феликс

Я не люблю, когда в меня стреляют. Пулевое ранение лишает тебя всякого достоинства. Сначала в теле становится горячо, словно по тебе ударили молотком. Потом появляется боль. Потом до ушей наконец докатывается звук выстрела. И наконец, всё тело начинает сводить судорога, из-за которой невозможно стоять на месте, расправив плечи.

В меня стреляют дважды, а этого я особенно не люблю. Стискивая рукой продырявленную грудную клетку, я поворачиваюсь к стрелку. Сраный Бутч. Я знаю, что мне не убежать, а потому начинаю двигаться к нему, насколько хватает сил.

В этот момент рядом с ним появляется Граф. Каким-то образом я умудрился забыть, насколько он огромен. Но этот гигантский рост нисколько не мешает ему двигаться. Граф не столько подбегает, сколько подходит к Бутчу летящей походкой, и прежде чем тот успевает отреагировать, вытаскивает ему в промежность тридцатисантиметровый нож.

Знаете, у Графа любопытная форма ярости. Когда он позволяет своему Зверю вырваться на поверхность, тот не получает и толики власти над личностью Графа. Зверь Графа – не тайный хозяин его души и не внутренний демон. Зверь Графа – простое животное, кровожадный спутник, которому Граф иногда позволяет слегка порезвиться.

Граф нажимает на нож снизу вверх, и клинок пропарывает Бутчу всё от яиц до брюха. Внутренности вываливаются наружу, как ёлочные игрушки из праздничной коробки. Граф проворачивает нож влево-вправо, вытаскивает его и поворачивается ко мне.

– Ах ты мелкий смеющийся засранец! – громко говорит он.

У него за спиной Бутч оседает в груды собственных внутренностей, издавая звуки, похожие на мяуканье.

Несколько байкеров бегут к нам, большинство – прочь. Даже музыканты свалили со сцены.

– Ты не собираешься подойти ко мне и что-нибудь сделать с этим визгливым щенком? – спрашивает Граф.

Я оборачиваюсь на толпу и качаю головой. Граф пропечатывает Бутчу такой удар, что у него ломается шея.

– У этих мудаков полно друзей, и скоро они будут здесь, – говорит он. – Давай-ка на мой байк.

Я снова качаю головой.

– Я не поеду у тебя за спиной, как сучка.

– Да-а? И какого же хрена ты собираешься делать?

– Если я сяду на байк сраного Графа Дракулы, меня станут называть Невестой Дракулы.

– Ну тогда подыщи себе что-нибудь!

– Будь другом, найди пока в их вещах мою шкатулку. Она вот такого размера, очень хрупкая.

Граф ничего не отвечает, только улыбается своей гигантской, уродливой улыбкой.

Дракула

Я редко молчу, но когда Феликс подъезжает ко мне, слова у меня находятся не сразу.

– Феликс, побойся Бога, что за срань ты оседлал?

Он улыбается мне из-под шлема и чёрных очков, елозя своей тощей задницей по оранжевому мотоциклу для сраных тинейджеров.

– Я полвека на этом не ездил!

– Если бы это был не ты, я бы расквасил тебе харю. По-моему, это мой гражданский долг. Неужели ты повезёшь магическую шкатулку на этой херне?

– Я приклею её этим сраным скотчем к своему сраному байку. И пошли в жопу все, кому это не нравится. Я не покупал эту срань, и если она сломается посреди дороги, мне будет глубоко наплевать.

Я снова теряю дар речи: в этой реплике было больше ругательств, чем Феликс произносил за всю жизнь.

– Сколько она может выжать?

Он прикидывает в уме.

– При моём весе миль шестьдесят.

Ладно, думаю, неплохо.

– Это если ветер мне в спину, – добавляет Феликс. – В обратном случае пятьдесят. Или сорок пять, но не ниже.

Граф чувствует, как растёт его недовольство.

– Да ладно, зато она почти не расходует топлива. Если ты не думаешь об экологии нашей планеты, я должен делать это за тебя. Плюс, взгляни на нас со стороны: два адóвых чувака отправляются в сердце Америки на своих стальных жеребцах. В следующей серии “Феликс и Граф”...

– Ладно, малявка, но тебе лучше выжить из этой хрени все соки. За нами погоня. По счастью, я знаю одно местечко неподалёку отсюда. Дом одной семьи. Я заявил местным пиявкам, что если кто-нибудь к ним присосётся, за ними явится Граф Дракула. В ответ семья оказывает мне разные услуги. Ну, вперёд!

Всю дорогу Феликс болтает о том, как удивительно быть живым, а я почему-то не могу отделаться от впечатления, что я слышу музыку, доносящуюся из его шкатулки...

Часть III: Зверь

Похоже, это самая логичная из записей Элис. Есть какая-то ирония в том, что она выражается яснее всего именно тогда, когда её разум начинает распадаться на части. К слову, никогда не видел, чтобы неонат с такой скоростью поддавался своему Зверю.

Хардейкен

Сон: Перемена

Мне хочется освободиться. Иногда мне хочется сунуть палец, или ложку, или даже весь кулак себе в глотку и вытошнить всю кровь, которую я пила в последнее время. Само собой, это невозможно. Но я продолжаю об этом думать, и всё из-за этого глупого сна.

Слушай, не знаю, будет ли кто-то читать эти строки, но если да: вспомни о своей человеческой жизни. У тебя были сны, в которых ты делал что-то запретное и получал от этого особое удовольствие? Может, ты видел сон, в которой трахал какую-нибудь падшую женщину (да, знаю, я как-то изначально предполагаю, что эти строки читает парень, хотя после всего что мне пришлось пережить, я подозреваю, что моим “таинственным нанимателем” была женщина – в конце концов, мы столь же жестоки, что и мужчины, хотя и проявляем это по-своему); так вот, может, тебе снилось, как ты совокупляешься с какой-нибудь редкой гадиной и почему-то получаешь от этого особое удовольствие?

Мой сон – из этого сорта. Во сне я вошла в гостиную какого-то отеля и увидела десятки трупов. Откуда-то я знала, что всех этих людей убила я. Среди них в кресле сидел мёртвый мужчина с перегрызенным горлом. На коленях у него стоял деловой чемодан. Я подошла к нему, отбросила в сторону чемодан и села ему на колени. Потом я подняла его голову так, чтобы его мёртвые глаза смотрели на меня, и расстегнула ему ширинку. Трахаясь с этим трупом, я чувствовала себя совершенной, дикой, всесильной – и в то же время не могла не чувствовать, как где-то внутри плачут и бьются остатки моей прежней личности.

Я уже говорила, что хочу освободиться от этого? Я хочу бросить это дело. Я хочу вернуться домой и забыть обо всём, что происходило в последние месяцы.

Потоп

Маленькая заметка. Я мог бы приложить к этому документу оригинал, но он практически не предназначен для чтения. Мне удалось составить его транскрипцию, хоть и с огромным трудом. Можете сказать мне спасибо.

Хардейкен

Мой рот всё ещё полон вкуса озёрной воды. Дамба сломалась, моё убежище затопило под дождём, и я как следует нахлебался.

Чудовище по имени Катрина забрало всё, что я строил десятилетиями. Кто я теперь? Я такой же как вы. Как все Дикари. Теперь я никто.

Состояние моего городка всегда было плачевным. Последние строительные проекты закончились здесь ещё в конце сороковых. Я жил в гнезде крыс и личинок – и не уверен, что это метафора. Некоторые из окрестных Сородичей использовали это в своих целях. Они охотились на тех нищих, которые проживали в городе. Они мешали городу развиваться. Более того, они только усугубляли положение. Они вкладывали таблетки с наркотиками в уста младенцев. Они торговали оружием подешёвке.

Я с ужасом наблюдал за городом издалека. То, что я Гангрел – Дикарь, как вы выражаетесь, – не означает, что я не в состоянии наслаждаться запахом ароматных масел или тканью хорошего костюма. Каюсь, со временем я привык к этому городку и начал находить в нём какую-то особую декадентскую эстетику. Он был прекрасен в том смысле, в котором может быть прекрасен старый завод со ржавыми трубами.

И всё же, когда смертные попытались облагородить город, я был в восторге. Большинство зданий решили сохранить на месте в качестве “исторических сооружений”. Мне это понравилось. Так что я сделал верхний этаж одного из заброшенных зданий своим убежищем.

А потом пришла она. Ураган с женским именем Катрина. Мой город, мой *прекрасный* город, утонул в дерьме и плавучей гнили. О, он всё ещё может быть красивым. В некотором смысле этого слова. Но то, что случилось с людьми и Сородичами, я забуду нескоро.

Добрых семь ночей я плавал по затопленным улицам, охотясь на выживших смертных, как крокодил. Когда их не осталось, я наконец-то оставил убежище позади.

Большая часть Сородичей, которым я рассказывал эту историю по дороге в соседний домен, говорили, что это не моя вина. Это либо ничья вина, либо вина человека: это смертные загрязняют окружающий мир и выливают танкеры с нефтью в девственно чистые океаны. Это смертные строят заводы. Смертные вырабатывают химикаты и закапывают в землю ядерные отходы. Может быть, это правда.

Но всё же меня не оставляет мысль, что наводнение было символом. Вы же читали Библию? Бог послал людям потоп, чтобы смыть их грехи. Мы можем взваливать всю вину на смертных, но и мы – бывшие смертные. Что ещё хуже, люди меняются. Они становятся похожими на нас. Мы отражаем их культуру, но это двусторонняя связь. Даже не зная о существовании Проклятых, они понемногу копируют нашу культуру. И скоро на земле не останется никого, кроме Дикарей – не Гангрел, а всех Сородичей, ибо все мы со временем станем Дикарями.

Истинными Дикарями – вроде тех, каким стал теперь я.

Полуночные дороги, часть VIII

Супер. Фантастика. Обалденно.

Довольно сарказма?

Я уже почти месяц кочую по Шоссе 66 – знаете, той разрушенной американской дороге, выведенной из эксплуатации лет двадцать назад, чтобы освободить место для мегаавтомагистралей. Я многое видела за этот месяц. Я ходила. Я смотрела на природу. Я разговаривала с редкими путешественниками. Иногда я охотилась. И знаешь, что, дорогой мой дневник? Это помогло. Это действительно помогло.

Сны всё ещё посещают меня, но скорее обычные человеческие сны. Я не слышу никаких голосов. Даже кровь редко проникает в мои грёзы.

Что не так на этот раз? О, я тебе расскажу! Я расскажу тебе об этом подробно, во всех кровавых деталях.

Я нашла дом у дороги. Бар. Старый, полузаброшенный бар, в котором – если стараться – всё ещё можно найти одну-две бутылки пива. Я вошла внутрь, чувствуя себя как собака, проникшая на чужой участок. Знаешь, когда шерсть встаёт дыбом лишь потому, что собака знает, что эта территория явно кому-то принадлежит – но уж больше интересно увидеть, кому.

Внутри со скучающим видом сидел крупный парень. Взглянув на меня, он потёр макушку, усеянную татуировками из синих чернил. Я не поняла смысла этой татуировки: по мне, так просто мазня. Откуда-то из внутренних помещений в основной зал вошла девушка. Она подмигнула мне, но как-то недружелюбно. Я окинула взглядом столы: как и думала, никаких напитков. Никакой пищи. Даже крошек. Только пустые бутылки за стойкой бара и тараканы, бегающие по полу столь беззастенчиво, что становится ясно: к ним здесь давно привыкли.

Всё это выглядело так фальшиво, что я невольно вспомнила декорации из старых фильмов. Как будто кто-то решил по-быстрому снять кино о придорожном кафе и даже не озаботился правдоподобностью заднего фона.

Я увидела, что от меня чего-то ждут. У парня и девушки натянулись сухожилия на шеях. Не выдержав тишины, парень пнул табуретку, и она проскользила по полу ко мне. Довольно ловко.

– Тебя пригласил Джеремайя?

– Ага, – почти безотчётно солгала я. – Он самый.

Парень смеётся. Точнее, фыркает в безрадостной усмешке.

– Если тебе повезёт, сегодня сюда заглянет пара-другая бродяг. Получишь свою долю, если заплатишь.

– Заплачу? – уточняю я.

– Ну, знаешь... пусть Джеремайя решает. Обычно он просит новеньких избавиться от тел или ещё что-нибудь в этом духе.

Мне не нравится убивать добычу, особенно после того, как в моих снах начали появляться сцены изощрённых убийств – но я молчу. Точнее, зачем я лгу, я не молчу. Я подсаживаюсь к парню, и мы разговариваем. Он оказывается внимательным собеседником. Рассказывает мне обо всяком дерьме, которого навидался в последнее время. Я тоже рассказываю ему часть историй из своего путешествия.

А потом в дверь входит Джеремайя. То, что он один из нас, видно с порога – буквально, кстати. Из-под его верхних губ торчат изогнутые клыки. Волосы, взгляд и общий вид делают его похожим на черношёрстого волка. С ним в бар вваливается ещё стайка диких Сородичей.

– Джер, всё в порядке, – говорит мой новый знакомый. – Это Элис, она нам подойдёт.

Он едва успевает это договорить, а Джеремайя хватается ближайшую бутылку, разбивает её об стол и кидается на меня. Я выбиваю бутылку из его рук, но он сваливает меня на пол. Парень, с которым я разговаривала, с криком отталкивает Джеремайю, но тот возвращает ему должок, выбивая пару зубов.

Мне удаётся вскочить, но лишь затем, чтобы подручные Джера схватили меня за руки. Девка, которая мне подмигивала, подходит спереди и говорит что-то вроде:

– Передай его кулаку привет от Мустанга Салли.

Пока я размышляю над этими именами, кулак Джеремайи бьёт меня в затылок. Пол и стены пускаются в пляс, кружась, как китайские фонарики. К счастью, я оправляюсь быстро. Мне удаётся высвободить руки и перекатиться через барную стойку как раз в тот момент, когда кто-то собирался лупануть меня коленом в спину.

А потом я начинаю хватать пустые бутылки. Их тут масса. Этого недостаточно, чтобы остановить разъярённых ублюдков, но они производят тот же эффект внезапности, что и баллончик с газом. Ничего смертельного, но если попасть в лицо – не слишком приятно.

Мне удаётся выбежать в дверь и добежать до шоссе. Потом я вижу фары. Секунду спустя мне удаётся различить лица водителя и пассажира: молодая пара в “Volkswagen Jetta”. Бедный водитель начинает испуганно тормозить. Я открываю дверь и заскакиваю ему на колени быстрее, чем машина успевает остановиться, и это к добру. Я хватаю баранку, потому что водителю и так ничего не видно из-за моей спины, и давлю на газ.

Жена (или подруга, или шлюха – не знаю) начинает что-то возражать, но тут же затыкается, потому что о капот друг за другом начинают стукаться рассвирепевшие Дикари. К счастью, им не совладать с хорошим движком, а потому машина проталкивается мимо них, заодно отправляя пару зазевавшихся засранцев в непродолжительное путешествие в сторону обочины.

Я говорю, что в баре, к которому они подъезжали, было полно убийц, которые грабят путешественников. Я не говорю им про вампиров, но в остальном рассказываю всё как было. Потом перебираюсь на заднее сиденье. Вскоре водитель выходит у телефонной будки, чтобы позвонить – наверное, в полицию.

Я кусаю его подругу в шею и выбегаю в ночь. Потому что встречать рассвет в чужой машине посреди пустынного шоссе мне пока что не хочется.

Но знаешь что, дорогой дневник? Задним числом я начинаю понимать, что мне понравилась каждая секунда этого вечера. Моё бессмертие было в смертельной опасности. Это было ужасно, но чувствовала я себя превосходно. Как будто я ожила. Я не искатель острых ощущений. Я не люблю риски. Даже в школе я всегда была трусихой и с радостью принимала любой путь наименьшего сопротивления, каким бы он ни был. Но по какой-то причине мне нравится меняться.

Я ненавижу только одно: то, что я *не* ненавижу себя.

К северу от Лондона:

Лэмбтон и Червь

– Хочешь историю? Поделись кровью.

После этих слов я поняла, что нахожусь в точке невозвращения. Но давайте по порядку. Иерофант сказал мне отправиться в Лондон, и я отправилась в Лондон. Ещё один длительный полет. На этот раз с багажом, а не домашними животными.

Пришлось организовать свой собственный путь, что едва не привело меня к нарушению Маскарада, но об этом как-нибудь в другой раз. Я добралась до Лондона и отправилась на север, в место под названием Пеншоу-Хилл. На этом холме высился храм, но не христианский и даже не кельтский, а... греческий, если я правильно понимаю. Словно какое-то древнее место, в котором жрецы и оракулы вещают смертным об их судьбе.

Я зашла туда прямо посреди ночи и услышала в темноте шёпот, гласящий то, что я написала выше:

– Хочешь историю? Поделись кровью.

Я никого не увидела, однако из глубин храма, вращаясь по плитке, мне под ноги проскользнул нож. Я подождала, но никто не появлялся. Тогда я разрежала себе запястье и окропила плитки храма своим алым Витэ. Сначала ничего не произошло. Затем я слышала звук *трения*, как будто собака начала передвигать носом пластиковую миску с кормом. Потом я догадалась вдохнуть и почувствовала запах крупной рептилии. Не знаю ещё, как это описать, однако на ум пришли ассоциации именно с террариумом или зоомагазином.

А потом я его увидела. У него – у *этого* – была человеческая форма тела, однако спутать его с человеком было бы невозможно даже на большом расстоянии. Бледно-белая кожа без каких-либо морщин, волос или линий. Устрашающе гибкие конечности, превышающие два метра в длину и напоминающие щупальца, но всё ещё оснащённые пальцами.

Существо подползло ко мне и слизнуло кровь с плиток.

– Мало, – прошипело оно. – Больше!

Я чуть было не развернулась и не побежала прочь. *Нет*, подсказало мне чутьё, *надо остаться*.

Я осталась и начала выдавливать кровь из запястья. Существо продолжило слизывать его с плиток. Я пролила слишком много крови и начала чувствовать голод, однако к тому моменту, когда в сердце уже начала вкрадываться паника, существо насытилось и привстало на своих неудобных конечностях. Я бы сказала, что оно “встало на колени”, однако коленей в явном виде у него не было. Его рот, напоминающий пасть акулы или миноги, всё ещё покрывала кровь. Оно не озаботилось тем, чтобы её стереть.

После этого оно заговорило. Не ртом – тот не шевелился. Оно начало говорить прямо в мою голову.

Я червь. Я червь. Я червь.

Я был когда-то человеком. Однажды в мою деревню пришла моя новая Мать. Она была чёрной тенью, тьмой между звёздами, дверью в шипастые лабиринты сердца. Она сделала меня подобной себе самой. Но она не стала меня обучать, а оставила наедине со своим голодом. И я блуждал по пустыням подобно бледному джинну. Я ходил по горам, словно чёрный

огр. Я ползал по дну океана голодной змеей. Я прятался в кронах деревьев подобно гнездящейся гарпии. Но я всё ещё был человеком.

Я бился со смертными воинами на мечах. Я убивал девиц своим взглядом. Я разбивал сердца окружающим своими стихами. Но я всё ещё был человеком.

Моё сердце стало жиреть на крови моих собственных потомков. Их было больше сотни, и многих я поедал, чтобы стать сильнее. Но я всё ещё был человеком.

Люди стали воздвигать мне храмы. На алтарях стала появляться кровь, которая меня насыщала. Корабли заматались по всем морям, разнося мою волю и моих потомков по всему миру. Меня называли богом и ангелом. Но я всё ещё был человеком.

Совы и ведьмы пытались вселиться в меня. Демоны пытались искусить меня. Братья и сёстры пытались убить меня. Я победил их всех. Но я всё ещё был человеком.

И тогда пришли сны. Тогда пришли грёзы. Тогда пришли обещания новой жизни. И для того чтобы обрести её, мне нужно было пережить Становление. Грёзы сказали мне, что я должен найти человека по имени Джон Лэмбтон – великого грешника, который не верил в Бога. Я отправился к нему, в эти самые земли, и дал ему увидеть себя. И хотя я ничего не сказал, Джон уверовал в Бога, потому что он увидел чудовище, и чудовище отпустило его.

Так я перестал быть человеком. Но то ещё был конец моей истории. Спустя много лет, когда Джон вернулся с победами из крестовых походов, он обнаружил, что чудовище всё ещё ожидает его в родных землях.

Тогда Джон связался с местной колдуньей и узнал, как победить меня. Она сказала ему, что я не человек, но чудовище, и это было ложью. Она сказала, что ему нужно выковать броню из копий, которые принадлежали убитым солдатам, и это было ложью. Она сказала, что меня нужно разрубить на три части и бросить в реку, и это было ложью.

Джон пришёл ко мне, загнал меня в реку и рассёк на три части. Так я прошёл своё Становление. Ибо колдунья была моей верной помощницей. Она помогла мне совершить ритуал.

Теперь я не человек и не монстр, а бог. Люди веками приходят ко мне, чтобы выразить своё почтение. И на этот раз всё заслуженно. Я приказал им выстроить себе храм по подобию более раннего греческого храма, в котором также поклонялись мне.

Но тогда смертные были слепы и поклонялись человеку.

Теперь они прозрели и поклоняются Червю.

Договорив, создание повернулось и отошло в темноту. Я увидела, как к нему подползают две точные копии – такие же бледные и уродливые существа с акульими ртами. Червь окропил плитки под их ногами моей кровью, и они тоже слизнули по всей порции.

Если верить его истории, смертный по имени Лэмбтон действительно разделил его на три части, однако с тех пор каждая из этих частей выросла в полноразмерную копию самого Червя.

Если всё это правда, то внутри нас живёт что-то поистине дьявольское. И кажется, именно это я вижу во снах. В других Сородичах живёт Зверь. В нас живёт дьявол первозданного мира.

Но к чёрту это. Я не собираюсь превращаться в чудовище. Я не хочу быть дьяволом. И не стану им.

Обещаю.

Драугр?

Эту кассету мне прислал парень, которого я не знаю. Судя по всему, он отправил её именно мне. Неужели все местные Дикари действительно в курсе моих поисков? Такое впечатление, что это не другие Сородичи находятся в моём списке, а я – в списке всех окрестных Сородичей. Так или иначе, я расшифровала его аудиозапись в меру своих способностей. Единственное слово, которое он написал в приложении к кассете, думаю, можно сделать названием этой заметки.

Драугр

Недавно я решил сломать систему. Не в смысле “победить” её – просто обхитрить. Я подумал: зачем быть маленькой барракудой в большом бассейне с акулами? Я могу есть животных. Я могу спать в грязи. Я могу быть единственным вампиром в каком-нибудь маленьком городе.

Уверен, ты меня поймёшь. Я отправился в захолустный городок с тремя или четырьмя тысячами человек. Пара баров. Несколько тёмных переулков. Куча нелегальных иммигрантов. В конце концов, решил я, вряд ли мексикашки начнут стучаться в дверь полицейского участка с рассказами об *Эль чупакабра*, который напал на них, чтобы высосать кровь.

И это сработало. Поначалу. Я охотился на одиночек, на пьяных, бездомных и проституток. Всё было просто прекрасно – пока я не наткнулся на труп подростка, свисающий прямо с дерева. Нет, тогда я ещё не понял, что грядёт время больших перемен. Я подумал, что в городе появился мой конкурент и что я смогу его поскорее спровадить подальше. Это моя территория. И я достаточно силён, чтобы её защитить.

А потом, много ночей спустя, я вошёл в маленький ночной бар с намерением полакомиться единственным работником, который остался там к четырём утра. У нас поздно светает, и у меня была идеальная возможность подкрепить силы, прежде чем я занялся бы поиском очередного убежища.

Однако стоило мне войти, как работник в ужасе уставился на меня. Точнее, так показалось мне в первое мгновение. Потом я понял, что он смотрит не на меня, а на то, что стояло у меня за спиной.

Я повернулся и увидел женщину. Женщину со спутанными волосами, грязным лицом и жёлтыми яростными глазами. Она сказала:

– Всё красное. Весь мир теперь красный.

Это были единственные слова, сорвавшиеся с её губ. Я понял, что передо мной Дикарь – возможно, потерянный и безумный, но всё же Дикарь. Однако прежде чем я попытался хоть что-то ответить, она напрыгнула на меня с бешеным грудным рыком.

Я перехватил её в воздухе и с силой опустил на пол. Она пыталась укусить меня в горло. Она царапалась. Она издавала нечеловеческое рычание. Если бы я не видел, кто передо мной, по звукам я мог бы решить, что кто-то отбивается от бешеной собаки.

Я выдавил ей один глаз и переломал ноги. Она что-то выкрикивала, и хотя эти звуки не имели ничего общего с человеческой речью, я чувствовал, что где-то внутри бьётся человеческая личность. Она была слабой, почти задавленной, но всё же она была там.

Я ослабил хватку, и женщина рванула к выходу. У меня не было уверенности, что я в состоянии прикончить её этой ночью, поэтому я позволил ей ускользнуть. Я быстро перекусил работником бара, как и планировал, после чего вышел на улицу. И услышал крик.

Бросившись в его сторону, я увидел мужчину, который стоял над телом проститутки. Под ней расплывалась кровавая лужа. Мужчина заметил меня и попытался убежать. Я кинулся следом, однако стоило мне добежать до трупа проститутки, как из темноты на несчастного напала та самая женщина. Она разорвала ему горло и высосала его досуха за какие-то мгновения. Опешив, я наблюдал за этой варварской кормёжкой. И в этом была моя ошибка.

Прямо у меня на глазах Дикарка прокусила себе язык и плюнула кровью в раскрытый рот собственной жертвы. И губы трупа неожиданно ожили. Они потянулись вверх, к стекающей на них крови, словно губы младенца к молоку матери.

Я двинулся было вперёд, но в этот момент что-то зашевелилось у меня под ногами. Чьи-то зубы впились мне в лодыжку, и, падая, я увидел оживший труп проститутки. Я хорошенько врезал ей сапогом в лицо, недоумевая, как она отрастила клыки за считанные минуты, прошедшие с её смерти.

И только тогда до меня начало доходить, что *это только начало*. Дикарка бросилась на соседнюю улицу, где звучал рэп, негромкие разговоры ночных прохожих и двигатели автомобилей. Немного погодя, туда же двинулся и оживлённый мужчина.

Освободившись от хватки мёртвой проститутки, я рванул следом за ними. А дальше – почти слоу-мо, как в каком-то хоррорном фильме.

Улица. Десяток ночных прохожих. Пара автомобилей. Дикарка прыгает на капот проезжающей машины и выбивает лобовое стекло. Мужчина напрыгивает на молодую пару на тротуаре. Проститутка с рёвом несётся на меня сзади.

Дикарка разрывает горло кому-то из пассажиров в машине. Кто-то вопит под взбесившимся трупом мужчины. Я впечатываю кулак в лицо мёртвой шлюхи с такой силой, что осколки черепа вонзаются ей прямо в мозг. Она продолжает идти вперёд и тянуться зубами к моей руке.

Дикарка впивается зубами в водителя. Мужчина напрыгивает на пару тинейджеров. Они кричат, но кричат недолго. А потом самое худшее. Мужчина прокусывает себе язык и изрыгает кровь в рот одной из жертв. Потом в рот другой.

Я снова поворачиваюсь к проститутке. Она всё ещё движется, поэтому я посылаю её в затяжной полёт на другую сторону дороги. Она приземляется на голову и ломает шею. В нескольких метрах от неё обе жертвы мужчины поднимаются на ноги, пригнувшись к тому, что происходит вокруг.

Машина с разбитым стеклом останавливается, и одна из дверей отлетает в сторону, сорванная с петель. Изнутри, словно пауки, или цепные псы, или сраные цепные пауки, начинают выбираться водитель и пассажиры. Они хищно скалятся. Дикарка выбирается последней и остаётся позади этой своры.

Проститутка ползёт ко мне. Голова тащится за ней по асфальту. Не думаю, что она знает, как исцеляться от ран.

Я делаю единственное, что имеет смысл: бегу со всех ног.

Своё путешествие я заканчиваю в оружейной лавке. Разбиваю стекло. Внутри никого нет. Я набираю полную сумку с оружием и боеприпасами, когда проститутка заходит внутрь. Я выпускаю в неё пять пуль. Первые четыре превращают её грудь в решето. Она не обращает внимания. Пятая отстреливает ей руку по локоть. Она не обращает внимания. Я сую дуло ей в пасть. Она обхватывает его зубами и пытается прокусить. Зубы ломаются. Она не обращает внимания.

Я жму на спусковой крючок, и осколки её головы кладают по стенам. Я жду, глядя на безголовое тело. Оно падает. Оно не движется. Я продолжаю ждать. Наступает рассвет, а она всё ещё не шевелится. Я прячусь под стойкой и кладу сумку себе по ноги.

Наступает вечер. Я пробуждаюсь от неглубокого сна. На улице поразительно тихо, но изредка слышна речь. *Нечеловеческая речь*. Не похоже, чтобы в ней вообще был какой-то смысл: скорее эхо былого мышления. Я выглядываю наружу.

Так и есть: ходячие мертвецы повсюду. Они не похожи на нас – или, если угодно, похожи на нас слишком сильно. Тот огонёк дикости, который пылает в глазах у любого Гангрел, этим созданиям заменяет душу. Я бы не назвал их вампирами – или, напротив, назвал бы их именно вампирами в противовес нам, *Сородичам*.

Я подхожу к окну и осматриваю улицу. Их слишком много, чтобы я выбрался, не привлекая внимания. На одной только улице, которую вижу я, их несколько дюжин.

Продолжая осматриваться, я случайно задеваю осколок стекла. Он пускает трещину по оставшейся части окна, и спустя секунду оно обрушивается вниз. С грохотом.

Мертвецы по всей улице останавливаются и смотрят на меня. А потом начинают бежать. Оказывается, они способны бегать на удивление быстро. Я отстреливаю голову одному. Отбрасываю в сторону другого. Какая-то домохозяйка пытается сломать мне шею, но я возвращаю ей эту любезность и ломаю шею ей.

А потом происходит самое неожиданное. С рёвом на улицу врывается грузовичок, похожий на фургон для спецназовцев. Машина резко тормозит, разворачиваясь задом в сторону мертвецов. Двери распахиваются, и на улицу выпрыгивают люди в противогазах. С автоматами. С огнёмётами. С *пулемётами*. И – клянусь Богом – с мечами. У всех на груди какой-то символ, напоминающий Стрельца. Какой-то получеловек-полуконь с луком и стрелами. Понятия не имею, кто они. Вампиры? Воинственное крыло Инвиктус? Инквизиторы Благословенных?

Кто бы они ни были, они начинают *зачистку*. Видно, что им это не впервой. Выстрел. Бросок. Удар. Выстрел. Проходят минуты, и улица начинает понемногу затихать. Тогда один из них смотрит на меня и спрашивает:

– Командир, этот не шевелится: это тоже драугр?

– Нет, – отвечает ему кто-то из товарищей. – Но прикончи его.

Пуля пробивает мне горло. Я разворачиваюсь, чтобы убежать, и вижу мальчику, тянущегося ко мне когтистыми лапами. Точнее – тянувшегося. Похоже, та пуля прошила меня насквозь и попала ему прямо в голову. Он оседает на пол. Я пригибаюсь и выбегаю на улицу через заднюю дверь.

На протяжении всей ночи я пробираюсь по кукурузным полям и вижу то же, что и в городе. Ходячие мертвецы с оскаленными пастьми. Фургоны с солдатами. А потом – вертолёты, висающие над самыми жаркими точками.

Поэтому я послал эту плёнку тебе. Я не стану выходить с тобой на связь, потому что боюсь, что солдаты вышли на меня. Они найдут меня и устранят. Но они не смогут найти тебя. Сородичи должны узнать правду. Зверь постоянно рвётся наружу, и когда ему это удаётся, он пытается создать побольше собственных копий. Не других вампиров – а других Зверей во плоти.

Каждый раз, когда мы позволяем Зверю взять над нами верх, мы делаем новый шаг к уничтожению мира. Да, кто-то с этим борется – солдаты неизвестной мне организации, – но они же пытаются замолчать эту информацию.

Не дай её замолчать. Мы можем уничтожить всю планету. Расскажи всем. Расскажи каждому, кого встретишь. Если мы не будем осторожны, мы сами себя угробим.

Чего-то не знаешь? Загляни в библиотеку!

Я провела небольшое исследование в ближайшей библиотеке. Викинги называли словом “драугар” (именно: там есть вторая буква “а”, мой дорогой анонимный источник) призраков, вселявшихся в мертвецов. Одни были чёрными, другие бледными. Одни жили на суше, другие скрывались под водой. Их нельзя было убить оружием (что соответствует рассказу этого парня), а потому героям приходилось убивать их голыми руками (хотя судя по содержанию плёнки, пуля в голову ничуть не хуже). Если связать ноги драугара верёвкой, он не сможет ходить... хотя это уж точно не кажется мне правдоподобным способом борьбы с монстрами.

Правда ли это? Может быть, парень просто спятил от одиночества? Кроме того, если они так быстро плодятся, разве они не должны были заполнить уже половину Земли? Конечно, может быть, мы должны быть благодарны за это неизвестным защитникам в противогазах.

Не знаю. Всё это меня тревожит. Монстры, монстры... везде монстры.

Сон

Мне приснился сон. Первый за последнее время *мирный* сон. Или, по крайней мере, мне хочется его так истолковывать. Я стояла в комнате посреди своего дома. Где-то за дверью слышался голос моего маленького племянника Джека. Он позвал меня к себе и засмеялся ласковым смехом, похожим на перезвон колокольчиков. Я проснулась, всё ещё чувствуя, что он ждёт меня.

Мне хочется верить, что это мирный сон – предвестие чего-то хорошего. Если угодно, аванс того благополучия и покоя, который ждёт меня в обозримом будущем. Может, об этом спасении говорила Мать Дженис.

Всё.

Точка.

Завтра я возвращаюсь к тебе, мой таинственный “наниматель”. Я хочу увидеть свою сестру и племянника. Я хочу убедиться, что ты ничего им не сделал. Я возвращаюсь домой.

Полуночные дороги, часть IX

Я всю ночь шла к тебе, мой загадочный и ненавистный “наниматель”. Я представляла, как протяну тебе эту книгу и заберу свою семью домой. Я всё ещё жажду этого. Час назад я прошла мимо минивэна, стоящего на обочине, и заглянула внутрь. Внутри сидела женщина, на застывшем лице которой отражались одновременно ужас и удовольствие. Я уже видела подобное выражение – на лицах собственных жертв. Разумеется, на заднем сиденье я разглядела вампира, который впился ей в шею. Он меня не видел.

Я замедлила шаг и подумала: может, мне остановиться? Спасти её? Или доесть её? Или подождать, пока парень выберется наружу, и расспросить его обо всём, что он знает о Реквиеме? Может быть, он один из нас, и его история дополнила бы эту книгу?

А потом я подумала: *не-а*. Я иду домой. Ничто теперь меня не остановит.

Конец

Это произойдёт завтра вечером. Мне трудно думать о чём-либо, кроме своей семьи. Трудно даже писать эти строки, потому что я полна ожиданий. Я покончила с этой книгой. Я покончила с изучением клана. Я покончила с тобой.

И знаете что? Я собираюсь стать лучше. Я буду настолько близка к смертным, насколько смогу. Я увидела больше монстров, чем иной старейшина. И я вспомнила, почему не хочу стать одной из них. Потому что у меня есть семья. Они была у меня, пока ты не забрал её.

Сара и Маленький Джек. Моя прекрасная сестра и мой любимый племянник. Я не видела их пару лет, и больше я ждать не могу. Это будет великое воссоединение. Встреча тысячелетия. Я иду.

Всё изменилось

В лесу тихо. Почти тихо. Иногда я слышу покрикивание сов и жужжание ночных жуков. Я не знаю, окажется ли эта книга в твоих руках. Я не знаю, где ты находишься. Поэтому я пишу это для себя. Я пишу это, чтобы задокументировать всё, что произошло, потому что я знаю, что в один прекрасный вечер у меня не хватит духу *заставить* себя это вспомнить.

Должно быть, ты придумал всю эту уловку лишь для того, чтобы проверить, как быстро неонат сможет стать монстром. Как быстро я отвергну всё, чем я хочу быть: а я хочу быть человеком.

Мои поздравления.

Но, возможно, я забегаю вперёд. Я пришла по адресу, который ты мне прислал. Старый викторианский особняк за пределами города. Чёрные ставни. Окна, похожие на глаза, двери, похожие на закрытые рты. Ты знаешь этот особняк. Он оказался разграблен. Тобой или кем-то ещё. Всё там было разбито. Следы когтей на стене. Кровь. Вырванные половицы. Разбитые светильники. Разбитые зеркала. Все до последнего.

Я окликнула тебя и свою сестру. Ответа не последовала. Я проверила комнаты. На кухне я нашла двух мужчин в костюмах и гарнитурах – со вскрытыми горлами. В библиотеке ещё один человек. Его лицо с такой силой вжали в декоративную рыцарскую броню, что оно треснуло. У него не было одной стопы. Я её так и не увидела, хотя, признаюсь, не слишком старательно искала.

Я поднялась наверх. Нашла ещё одного человека. Его голову насадили на перила, словно на пики. Ванна заполнена частями тела и обрезками костюмов. И всё в крови. В крови, которая заставила меня почувствовать голод.

Свою семью я обнаружила в спальне. Сара сидела в кресле напротив зеркала. В красивой розовой шляпе. Её мёртвая голова опиралась на мёртвую руку. Я не сразу заметила, что её рука была пришита к лицу. Другая – прибита к столику. В глазах деревянные распорки – чтобы не закрывались и смотрели прямо в зеркало.

Маленький Джек лежал на кровати, скрестив руки на груди и закрыв глаза. Его лицо и руки были покрыты кровью и синяками. Он был жив. *Был*. Пока я не увидела всего один крохотный пузырь крови, растущий у него из ноздри. И тогда я вонзила в него клыки и пила, пила, пила его кровь, пока у него не остановилось сердце.

А потом я дала ему свою кровь.

Шёпот красного зова

Как видите, я немного потрясена. Я не знаю, что я наделала. Или, напротив, знаю слишком хорошо. Я создала чудовище. Нового монстра наподобие тех, о которых повествует моя ненавистная книга. Я мечтала стать лучше. Стать человеком. Вместо этого я поддалась самым низменным из своих инстинктов.

Я бы отправилась встретить рассвет, но в тот момент, когда голова Маленького Джека наконец зашевелилась, я вдруг что-то услышала. Не снаружи – внутри себя. Вы когда-нибудь пробовали прикоснуться к стеклу влажным пальцем и поводить по кругу? Сначала это кажется простым скрипом, однако потом в нём появляется определённый ритм. Простые движения творят музыку.

Так вот. Если можно так выразиться, я услышала что-то простое, но гармоничное. Я закрыла глаза и замерла, вслушиваясь в этот ритм. В своём воображении я увидела фигуру, которая играла

на чём-то вроде длинной стеклянной трубки. А затем со мной заговорил чей-то мягкий голос, и я даже не сразу поняла, что этот голос принадлежит мне самой.

– Сдайся, – сказал мне голос. – Ты сделала доброе дело. Ты спасла его жизнь. Теперь ты сможешь быть с ним вечно.

Я медленно кивнула. Голодный мальчик попытался меня укусить, но я его оттолкнула коротким мягким движением.

Он дошёл до своей мёртвой матери и укусил её за лодыжку, чтобы забрать всё, что осталось внутри её тела.

И тогда я сдалась. Я почти ничего не почувствовала, однако какая-то часть меня просто... задремала. Я отдала её этому голосу. И я почувствовала, как сквозь меня прошла какая-то тень. Словно я гуляла по солнечной лужайке, и вдруг одинокая птица или самолёт на мгновение заслонили лучи дневного светила. И какие-то части моей личности вдруг размягчились и покраснели, как лист бумаги, окрашенной кровью или чернилами.

Голос сказал мне, что я могу воспитать Маленького Джека и обучить его всему, что знаю. Но я сказала "нет". Мне хочется верить, что я это сделала потому, что не могла нести за него ответственность и не подходила на роль наставника, однако в глубине души мне кажется, что это был простой эгоизм. Я хотела сохранить только что обрётённую свободу. Зачем брать больше багажа, чем нужно для путешествия?

Я вышла из комнаты, а потом из дома, слыша, как кормится наверху голодный малыш. За домом был лес, и в нём я услышала голоса, словно плывущие ко мне по воздуху. Я оглянулась на дом и увидела его. Маленький Джек стоял в окне спальни, и лунный свет освещал тёмные мазки на его губах. Потом я увидела фигуру прямо позади него. Высокую и худую. Она положила руку на плечо мальчику и потащила его прочь от окна. Шторы закрылись.

А я? Я зашла в лес, где и нахожусь сейчас.

Шепчущий лес

Вот мой дом. Я принадлежу ему, а он принадлежит мне. Лес говорит со мной голосом Бабы Яги. Голосом Нона Стрега. Голосом Йежибабы. Она приглашает меня к своему дереву, в тёмную и глубокую чащу леса. Само собой, я принимаю это приглашение. Мой мир полон красных цветов. Даже этот дремучий лес кажется красным. И я чувствую себя счастливой.

Я слышу песенку в своей голове. Забавный маленький стишок. Я вырежу его когтями на дереве позади себя.

У Элис был ягнёнок

С шёрсткою багровой

Оставив жертву мертвецам,

Пойдёт она

Тропою новой.

Последняя запись Хардейкена

Я поспрашивал людей. Говорят, Элис всё ещё там. В лесу. Иногда она выходит из той или иной его области и нападает на смертных. Разрывает их на части. Любит пить кровь из кусков плоти, отделённых от тела.

До сих пор она убивала только подонков: преступников, наркодилеров, насильников и другое отребье. Но опираясь на собственный опыт, могу предположить, что скоро это изменится. Она оправдывает эти убийства перед собой, считая, что она воздаёт жертвам по заслугам. В этом, по моему мнению, и лежит величайшая опасность. Убийцы привыкают давать себе оправдания. Сегодня это возмездие преступникам. Завтра это убийство человека, который слишком внимательно на неё посмотрел.

Я не могу утверждать, что все статьи и записи в этой книге находятся в правильном порядке, но я сделал всё возможное, чтобы придать ему последовательности. В какой-то момент для меня стало ясно, что она разорвала этот дневник надвое и оставила страницы в беспорядке.

Надеюсь, это то, что вы ищете. Если я найду что-нибудь ещё, отправлю вам без промедления.

Хардейкен

Пасть, клык и хвост: Вскрытие Дикаря

Мэбри (родословная)

Врубайте вывеску. Поставьте музыку погромче. Пусть со стороны кажется, что бар не заброшен. Скоро кровь наполнит наши бокалы!

Не каждый охотник любит гоняться за жертвой. Многие ставят капканы и спокойно ждут, пока добыча придёт к ним сама. В начале девятнадцатого столетия один Гангрел по имени Карлтон Клайд Мэбри устроился на дороге, ведущей к Клондайку. Нет, он не прятался и не набрасывался на жертв из засады. Он построил небольшую лачугу, с виду похожую на настоящий бар. Каждый день смертные приходили сюда, чтобы попытать счастья. Не все из них возвращались домой, однако в те годы это было практически нормой. Мало кто возвращался с Клондайка, и ещё меньше было тех, кто начинал расследование. Поэтому Мэбри спокойно заманивал жертв в свой бар и питался их кровью.

Когда смертные всё-таки начали подозревать худшее и обходить его бар стороной, Мэбри открыл другой бар на другом прииске. И ещё один. И ещё. Эта традиция тянется по сей день. И когда вы видите бар, стриптиз-клуб или другой злачное место, стоящее на обочине полуночной дороги, не торопитесь радоваться. Вполне возможно, что это заведение держит Мэбри – или один из его современных потомков.

Прозвище: Пауки, Горные змеи

Династические Дисциплины: Анимализм, Превращение, Соппротивление, Мощь

Слабость: Мэбри привыкли жить рядом друг с другом. Оказавшись вдали от своих собратьев, они начинают нервничать или даже паниковать. С игровой точки зрения это означает, что если персонаж оказывается больше чем в миле от других представителей родословной, он получает штраф -1 к любым действиям и -2 к проверкам активации Дисциплин.

Репутация: Среди Проклятых Мэбри известны не больше, чем среднестатистическая родословная Гангрел. Иными словами, о них знают лишь те, кому довелось обитать рядом с ними. Последние часто считают Мэбри ленивыми и бездеятельными Сородичами, которые ждут, пока пища сама приползёт к ним в убежище (что полностью соответствует действительности). Кроме того, многие Сородичи вообще не знают, что из обычной семьи вампиров Мэбри успели сформироваться в полноценную родословную.

Новая Практика:

Кровь между половицами

(Превращение ●●●, Соппротивление ●●)

Мир полон крови. Буквально. Когда Мэбри сливается с землёй благодаря способности к Превращению, ему не нужно тратить очко Витэ для пробуждения.

Освоить эту Практику можно за 15 очков опыта.

Гончие Актеона (родословная)

Видите? Он оставил кровавый след. Удивительно, как далеко можно убежать, даже схлопота в пулю в бок.

Актеон был жителем греческих Фив и другом кентавра Хирона. Ещё он считался непревзойдённым охотником, однако именно охота стала его проклятием. Однажды, охотясь с друзьями в лесу, он вышел к озеру и увидел голую Артемиду. Богиня предупредила героя, что он никому не должен рассказывать об увиденном, однако как только друзья Актеона зашумела где-то в кустах неподалёку, Актеон закричал им, чтобы они шли подивиться красоте Артемиды. В гнев богиня превратила Актеона в оленя, а его друзей – в гончих псов.

Гончие Актеона считают себя охотниками в историческом смысле этого слова. Они не хотят искать себе жертв среди посетителей ночных клубов или бездомных, спящих где-нибудь под городским мостом. Им нравится охотиться на жертв с оружием в руках, будь это копья, луки или винтовки. Раз в несколько ночей они собираются друг с другом и начинают кровавое состязание в своём охотничьем мастерстве, силе и меткости.

Династические Дисциплины: Анимализм, Затемнение, Превращение, Соппротивление

Прозвище: Гончие, Охотники, Браконьеры

Слабость: Проверки сопротивления Прожорству проходят со штрафом -3.

Репутация: Те, кто знает о Гончих, часто считают их беспощадными извергами, однако это не до конца соответствует действительности. Безусловно, Охотники убивают большинство своих жертв и ведут варварский образ жизни за пределами современных доменов, что дурно сказывается на их человечности. С другой стороны, они никого не мучают. Они не сводят своих жертв с ума, не ломают им психику, не копаются в их воспоминаниях и не используют в своих целях, прежде чем разорвать им глотку. Иногда они даже отпускают добычу, которая проявила в ходе погони особую смелость и изобретательность. Тем не менее, стереотип Охотника как безжалостного убийцы достаточно плотно вошёл в культуру Сородичей, чтобы местные Проклятые поднимали вопросы о допустимости их существования рядом с доменом.

Новая Практика:

Камуфляж

(Превращение ••, Затемнение ••)

Вложив очко Витэ и пройдя проверку Выносливости + Скрытности + Превращения, вампир сливается с окружающей местностью. Любые попытки заметить его в этом месте получают штраф -2 за каждый успех, полученный при броске активации. В тёмной и дикой местности вампир может получить бонус от +1 до +3. Верно и обратное: в хорошо освещённом доме или посреди оживлённой улицы вампир получит существенный штраф.

Освоить эту Практику можно за 12 очков опыта.

Многоликая охота

Гончие Актеона – как, впрочем, и некоторые другие Гангрел – часто охотятся по определённой модели. Вот только несколько распространённых тактик:

Приманка: Почти любой смертный готов зайти в безлюдное место, увидев приманку. В роли последней может выступать что угодно, от целой сумки с деньгами до родственника, привязанного к дереву.

Ослепление: Вампир поджидает жертву в засаде, а затем ослепляет её вспышкой яркого света (например, включая фонарь посреди тёмного леса).

Травля: Один или двое членов котерии гонят жертву в определённом направлении, где её поджидает остальная часть охотничьей стаи.

Погоня: Вампиры не устают – в отличие от людей. Когда у человека кончаются силы, он падает на землю, и охотник без труда его обездвигивает.

Наскок: Вампир прячется в кроне дерева или на крыше невысокого дома, дожидаясь, пока жертва окажется прямо под ним.

Камуфляж: Классическая засада с маскировкой.

Преимущества Гангрел

Несмотря на название этого раздела, большинство этих Преимуществ могут осваивать и представители других кланов – даже если *обычно* такие способности можно ожидать именно от Дикарей.

Нечеловеческая стойкость (•••)

Эффект: Звероподобный образ жизни наделяет вашего персонажа особой устойчивостью к психическим силам наподобие Доминирования и Величия. При сопротивлении таким Дисциплинам вампир получает +2 дайса. Вместе с тем, при защите от Анимализма и других сил, влияющих на Зверя, вампир получает штраф -2.

Шипы и розы (••••)

Требования: Сила крови ••, Анимализм ••

Эффект: Некоторые Дикари выращивают целые сады или отрезки леса, в которых они чувствуют себя единственными хозяевами. Большинство из них относятся к своим растениям как к естественной среде обитания, однако некоторые развивают у себя особое *понимание* растений.

Каждый уровень этой способности позволяет вампиру использовать силы Анимализма на растениях – не обязательно выращенных ими самими. Тем не менее, знание Анимализма должно на один уровень превышать уровень способности, которую хочет задействовать персонаж. Например, для использования Звериного шёпота (первого уровня Анимализма) на растениях вампир должен развить эту Дисциплину до второго уровня.

Звериный шёпот (•): Вампир вступает в беседу с растением, вслушиваясь в его чуждое, нечеловеческое мышление или задавая ему вопросы на странном телепатическом языке. Зрительный контакт не требуется.

Повиновение (••): Вампир может потребовать от растения определённого действия. Он может заставить его расцвести. Или произвести нектар. Или свести ветви так, чтобы сквозь них не проходило солнце. Эта способность не может заставить растение совершать поступки, выходящие за пределы его возможностей: например, дерево не способно выкопаться из земли и начать перемещаться по лесу.

Зов природы (•••): Гангрел может заставить растение отрастить несвойственные ему элементы: например, шипы или ядовитые ягоды.

Путешествие духа (••••): Вампир вселяется в растение. Из всех Дисциплин он способен использовать только Анимализм. Для выхода из этого состояния он должен вложить очко Воли: в обратном случае он окажется заперт в самом растении.

Недостаток: Осваивая это Преимущество, вампир начинает хуже понимать обычных животных. Проверки Анимализма при взаимодействии с любыми существами, помимо растений, получают штраф -1.

Верная стая (••)

Требования: Другие члены котерии также должны обладать этим Преимуществом.

Эффект: Многие Дикари называют свои котерии “стаями”, однако некоторые идут ещё дальше и формируют особые, полумистические отношения между всеми членами стаи. Подобные отношения строятся на абсолютном доверии и готовности жертвовать собой ради собственной стаи. В бою обладатели этого Преимущества получают +1 очко Инициативы, +1 уровень Защиты и +1 единицу Скорости. За пределами схватки они получают +3 дайса к проверкам Эмпатии, связанным друг с другом

Недостаток: Отчуждение от человеческих моделей поведения наделяет проверки дегенерации таких Сородичей штрафом -1.

Понимание животных (•••)

Требования: Это Преимущество доступно только при создании Персонажа; Анимализм • или Знание животных •; вампир должен принадлежать к клану Гангрел.

Эффект: Персонаж обладает внутренним пониманием определённого вида животных, будь это кошки, псовые или пауки. Он добавляет +2 дайса к проверкам Анимализма и Знания животных всегда, когда его проверка связана с этим видом животных.

Рой (••)

Требования: Превращение ••••

Эффект: Это Преимущество позволяет вампиру принимать обличье целой своры существ, будь это колония пауков, стая воронов или рой других существ Размером не больше 2. Для получения доступа к новым обличьям Преимущество можно приобретать по несколько раз. Размер подобного роя равен Размеру самого Дикаря в ярдах. Игрок может использовать те же правила, которые касаются и других роёв или свор. Для удобства они приведены ниже.

Недостаток: Каждые восемь часов, проведённые в таком состоянии, Гангрел проходит проверку Решительности + Самообладания и в случае провала получает отклонение *Иррациональное мышление*. Со временем Рассказчик вправе усугубить это отклонение до более тяжёлой формы.

Рои и своры

Свора наносит только одно очко тупого урона за раунд, хотя и распространяет этот урон на всех, кто попадает в означенный радиус. Свора может увеличить урон, сконцентрировавшись на меньшей территории. Всякий раз, когда свора занимает на один ярд меньше, чем обычно, она получает по два дополнительных дайса на нанесение урона за каждый раунд, причём урон становится летальным (что отражает большую плотность крысиной стаи, кусающей жертву, пчелиного роя, жалящего её, и т.д.). Кроме того, вид своры внушает ужас любому наблюдателю: кожистая колонна летучих мышей мечется по помещению, извивающийся поток многоножек, перелезающих друг через друга, настигает добычу, и так далее.

Броня может защитить от своры только в том случае, если она покрывает всё тело, и даже тогда она предоставляет лишь половину своей защиты. Кроме того, все жертвам своры трудно сосредоточиться на чём-либо, кроме неё, что отнимает по 2 дайса от их бросков на Восприятие и концентрацию, даже если они просто попали в радиус действия своры, а не стали целью её нападения.

Свору невозможно атаковать кулаками, дубинками, мечами или пистолетами. Повлиять на них могут только атаки по области - вроде ударов пылающим факелом или использования пестицидов. Каждый пункт аггравированного урона, нанесённый огнём или другим источником повреждений, приемлемым в данной ситуации, сокращает Размер своры вдвое. Как только радиус своры понизится до двух ярдов, она практически неизбежно рассеется или бросится врассыпную.

Посмертная менструация (•••)

Требования: Женщина

Эффект: Даже смерть не всегда прерывает менструационный цикл вампира. Раз в месяц вампир выделяет по очку Витэ, которое можно использовать в особых целях. Например, применение такой крови в ходе обряда Круака добавляет +1 дайс ко всем проверкам, связанным с ритуальными действиями. Кормление смертного или гуля подобной кровью налагает обычные эффекты, но вместе с тем вызывает у него лёгкие галлюцинации. Некоторые вампирицы используют свою кровь для нанесения особых посланий на стены своих убежищ и так далее. Выражаясь простым языком, использование такой крови может иметь куда большее отражение на уровне отыгрыша, чем с точки зрения игромеханики.

Новые Практики

Помимо двух Практик, предложенных в описании новых родословных, некоторые Гангрел используют две следующие методики. Другие вампиры могут приобретать их по более высокой стоимости, вкладывая в это учетверённую сумму всех уровней Дисциплин (вместо стандартной утроенной).

Вечный фамильяр

(Анимализм ••••, Превращение ••)

Сородичи не способны Обращать животных, однако некоторым среди Дикарей удаётся оживить излюбленного питомца после смерти. Для этого персонажу необходимо дожидаться смерти животного или убить его, после чего напоить его своей кровью, отдав по очку Витэ за каждое очко Размера жертвы.

После этого вампир проходит проверку Решительности + Знания животных + Анимализма. Каждый успех повышает один Атрибут животного (по выбору игрока) на +1 уровень. Это влияет и на вторичные характеристики наподобие Воли или Здоровья.

Оживлённое создание не нуждается в крови и может питаться обычной пищей (или не есть вообще), однако вампир должен поить его одним очком Витэ каждую ночь, просто чтобы поддержать в нём искусственную жизнь.

В целом животное ведёт себя так же, как раньше. Тем не менее, оно утрачивает огромную часть своей былой личности. Конечно, это может быть не столь заметно в случае со змеями или пауками, однако собака перестанет радостно прыгать при виде поводка, а кошка – с любопытством выходить на улицу. Каким-то образом животное понимает, что оно умерло, и не знает, что держит его в этом мире.

Любые проверки Анимализма для управления этим животным получают +2 дайса. Кроме того, когда вампир засыпает, его разум может перейти в тело животного безо всяких бросков. Считайте это бесплатным аналогом *Путешествия духа* (четвёртого уровня Анимализма), который действует до тех пор, пока животное не умрёт по-настоящему.

Животное игнорирует тупой урон, однако не способно залечить летальные и аггравированные повреждения.

Освоить эту Практику можно за 18 очков опыта, однако члены Колдовского круга прибегают к ней чаще и потому способны приобретать её за 15 очков.

Неестественная гибкость

(Превращение ••••, Сопротивление •)

Вложив очко Витэ и пройдя проверку Ловкости + Атлетики + Превращения, персонаж наделяет себя нечеловеческой гибкостью. Он способен обернуть своё тело рукой, согнуть ноги под неправильным углом или просто свернуться в комок, чтобы протиснуться в узкое отверстие. Каждый успех позволяет вампиру либо сократить свой Размер на единицу (до минимального значения 2), либо добавить +1 дайс к попыткам выскользнуть из верёвок или наручников.

Освоить эту Практику можно за 15 очков опыта.

Ритуалы Крúака

Жертвенная кровь (ритуал второго уровня)

Аколит выбирает жертву, которую он собирается выследить. В случае успешного проведения ритуала на протяжении нескольких ближайших ночей, точное число которых равно Решительности вампира, попытки выследить жертву будут получать бонус +4.

Если жертвой этого ритуала становится вампир (а не смертный или животное), при проведении обряда Аколит получает штраф, равный Силе крови своей добычи. Жертва может снять этот штраф, если сама хочет, чтобы ритуалист нашёл её.

Откармливание (ритуал третьего уровня)

Вампир удваивает количество крови, содержащейся в человеке. Например, смертный, обладающий седьмым уровнем Здоровья, будет содержать четырнадцать очков крови. Он будет получать по очку летального урона только за каждые два пункта крови, которые высосет из него вампир.

Красный зов

Одни называют это “уступкой”, другие “раскрытием всех дверей”. Некоторые считают это победой Зверя, другие – полным раскрепощением. Так или иначе, многие Гангрел привыкли называть это состояние Красным зовом – из-за тихого зова природы и красноватого свечения, которое появляется на периферийном зрении.

Хотя многие Гангрел считают (или хотя бы заявляют), что поддаться Красному зову их заставил внутренний Зверь, в действительности это всегда – *всегда* – происходит по воле самого Дикаря. Для того чтобы впасть в это состояние, Гангрел должен захотеть расслабиться. Он должен сознательно отказаться от хватки цивилизации на своей шее и ощерить клыки.

Строго говоря, поначалу Зов даже не кажется чем-то пагубным. Совсем напротив: Гангрел чувствует, что он начинает жить в гармонии со своим Зверем. Ему больше не нужно бороться с инстинктами, потому что он принимает их всем своим сердцем.

Более того, Красный зов не обязательно заставляет протагониста впадать в безумие, рвать людей на куски или нарушать Маскарад. Он просто позволяет ему забыть о требованиях цивилизованной жизни. Например, Гангрел вполне может впасть в подобное состояние, просто несясь по ночному городу или перепрыгивая с крыши на крышу. Красный зов не заставляет его совершать преступления. Другое дело, что мало кто из Гангрел, впадших в подобное состояние, вообще помнит о том, почему некоторые поступки считаются в обществе запретными.

Стрикс?

Как можно было прочесть в этой и некоторых других книгах, многие Сородичи предполагают, что Стрикс возвращаются в земной мир – возможно, впервые со времён Римской империи. А если так, то состояние Красного зова может сделать Гангрел идеальной мишенью для вторжения Стрикс в его тело.

Игромеханические эффекты

В отличие от безумия и других аналогичных состояний, персонаж должен сам захотеть поддаться Красному зову. В этом случае *в первую ночь* он получает следующие преимущества и недостатки:

- Проверки Атлетики, Запугивания, Скрытности и Выживания получают +1 дайс
- Инициатива вырастает на +1.
- Попытки заметить врага или обнаружить засаду также проходят с бонусом +1.
- Вложение очков Воли в проверки Знания животных добавляют сразу четыре дайса вместо обычных трёх.
- С другой стороны, вампир теряет -1 дайс от проверок Образование, Медицины, Компьютера, Науки, Эмпатии и Коммуникабельности.
- Проверки Интеллекта, *не связанные* с активацией Дисциплин, получают штраф -1.

- Штраф за использование нетренированных Ментальных Навыков повышает до -4 вместо обычных -3.

- Удовлетворение Добродетели приносит вампиру лишь одно очко Воли.

С каждой последующей ночью все штрафы и бонусы, добавляющие или отнимающие один дайс, вырастают на единицу. Например, на третью ночь вампир будет добавлять +3 дайса к проверкам Выживания, но терять -3 от проверок Компьютера. Проверки Человечности в первые четыре ночи получают штраф -1, на пятую – сразу -2 (хотя это и не может сократить запас дайсов до нуля).

Хотя персонаж поддается Красному зову добровольно, выйти из него он может только после успешной проверки Решительности + Самообладания. За одну ночь персонаж может пройти лишь одну такую проверку. Некоторым Дикарям приходилось годами жить в состоянии Красного зова даже после того, как они приходили к выводу, что оно приносит им больше проблем, чем пользы.

Победа над Зверем

Говорят, будто некоторые Дикари начинали бороться со своим Зверем с подобной яростью, что добивались противоположного эффекта: они практически переставали слышать зов природы, однако утрачивали и все преимущества, которыми наделяет обычных Гангрел Красный зов.

Если вы хотите использовать этот слух в игре, инвертируйте бонусы и недостатки, предоставляющие или отнимающие один дайс (например, проверки Интеллекта будут получать бонус, а проверки Атлетики – штраф). Тем не менее, в отличие от блаженного чувства Красного зова подобное состояние – иногда именуемое Победой над Зверем – заставляет персонажа чувствовать себя отвратительно. Человечность попросту не подходит Гангрел. Они чувствуют себя как буквальная ожившие мертвецы, не знающие, что они вообще делают в этом мире, когда не слышат зов Зверя.

Драугр: Потерянная человечность

Потеря Человечности. Большинство вампиров боятся одного лишь звучания этих слов. В их глазах, это самая настоящая и буквальная *потеря*.

Однако вот в чём секрет: для любого Сородича – и в особенности одного из Гангрел – потеря Человечности означает расширение рамок его комфорта. Утрачивать Человечность *приятно*. Вам больше не нужно беспокоиться о ещё одном пункте личного кодекса. Не нужно страдать из-за кражи, убийства или издевательств над незащитной жертвой. Вы чувствуете освобождение.

Даже если при понижении Человечности вампир получает психическое отклонение, он редко связывает это со своими грехами. Как правило, ему кажется, что жизнь обрушивает на него несправедливое наказание. В некоторых случаях он даже осознаёт, что приобрёл отклонение в результате нравственной дегенерации, однако подобное отклонение кажется ему знаком своей личной силы. В конце концов, такие отклонения как Нарциссизм или Мегаломания тоже кажутся вампирам *приятными*.

Означает ли это, что Гангрел утрачивают Человечность быстрее, чем остальные вампиры? Технически нет. Но с точки зрения их культуры, их поведения в каждой отдельной ночи – о да. Видите ли, Дикари часто воспринимают своего Зверя как своего рода зов первозданной природы. Они считают Зверя естественной частью этого мира. Потеря Человечности кажется им лишь шагом вперёд – не деградацией, а своего рода “откатом” к своим первобытным корням.

Со временем многие Гангрел начинают воображать, что они видят своего Зверя. Такие Дикари видят его краем глаза или слышат его довольное рычание где-то внутри себя. Нет, никто не увидит Зверя в их ауре и никто не услышит его, если окажется рядом с ними. Однако для них Зверь реален. Это самый настоящий попутчик – если угодно, их астральное тело, хотя едва ли кто-нибудь среди Дикарей будет использовать столь поэтичное описание.

Человечность: ноль

За исключением Вентру, Гангрел – самые подходящие кандидаты на абсолютное обнуление Человечности. И если Лорды понемногу сходят с ума, то Дикари искренне верят, что они с самого начала были рождены для подобной жизни. Другие вампиры могут быть паразитами. Гангрел должны быть *хищниками*. Они существуют для утоления своих первородных инстинктов, а какой инстинкт может преодолеть даже стремление к выживанию? Правильно: инстинкт размножение.

Именно в этом и заключается основное отличие драугра от других вампиров, достигших нулевой отметки Человечности. Драугр существует лишь для того, чтобы дожить до очередного Обращения.

Обращение драугра...

...не имеет ничего общего с подлинным Обращением. Жертвы, Обращённые драугром, почти всегда пробуждаются драуграми с самого начала. Они безумны, они одержимы инстинктами – включая всё тот же инстинкт размножения! – и они не имеют ни малейшего представления о Человечности.

Более того, для Обращения очередного потомка драугру не нужны свежие тела. Любой труп, сохранивший большую часть своей человеческой формы, может стать новым драугром. Исследователи Ордо Дракул иногда утверждают, что такие трупы должны быть как-то отмечены

кровавым проклятием Сородичей и что стать драугром может лишь труп человека, который был гулем или хотя бы жертвой вампира. Тем не менее, драугры встречаются недостаточно часто, чтобы об этом можно было говорить с абсолютной уверенностью.

Жертвы драугров быстро собираются в стаи, каким-то образом понимая, что им будет выгоднее держаться вместе. В некоторых доменах Инвиктус собирают целые отряды из гулей и Проклятых, посылая их на уничтожение этих безумных Сородичей сразу после того, как в домене появляются хотя бы *потенциальные* признаки деятельности драугра. Это же делает большинство смертных охотников, хотя они редко проводят границы между драуграми и простыми Сородичами.

И напротив, Ордо Дракул часто отлавливают драугров с совершенно иной целью: для того чтобы обездвигнуть их и подвергнуть экспериментам. В конце концов, драугры достигли своего рода *антитрансцендентности*, и их изучение может пролить свет на мифы о Голконде или другие теоретические формы эволюции.

Зверь других Проклятых

Драугр представляет собой воплощение самого Зверя, а значит, этот феномен не ограничен миром одних Дикарей. Единственная причина, по которой драугры получают особое рассмотрение именно в этой книге, заключается в том, что Гангрел *верят* в свою внутреннюю связь со Зверем. Если другие вампиры боятся стать драуграми, Дикари втайне завидуют им – и порой примеривают их роль на себя. Известны целые культы Колдовского круга, поклоняющиеся драуграм как богам во плоти.

Проклятие избранных

К счастью, не каждый потомок драугра сам становится драугром. Опять же, об этом известно не всем вампирам, и некоторые Сородичи могут попытаться убить жертву драугра, следуя распространённому стереотипу “драугр порождает драугра”. И всё же некоторые жертвы пробуждаются к жизни такими же полноценными Сородичами, как и другие Гангрел. Их может травмировать опыт столкновения с драугром перед смертью, однако в целом они пробуждаются с тем же уровнем Человечности, с которым они пробудились бы и при Обращении по воле другого вампира.

Трудно сказать, чем это вызвано. Возможно, жертвы, умершие за считанные мгновения до своего Обращения, всё ещё не прекращают воспринимать себя как людей. Возможно, дело заключается в их прижизненной личности – или в личности сира самого драугра. Чем бы это ни объяснялось, известны случаи, когда сразу несколько жертв объединялись в котирию сразу после своего Обращения, чтобы выследить своего безумного сира и помешать ему причинить зло кому-либо ещё.

Преимущества драугра

- Убить драугра способен лишь аггравированный урон или пять очков летального урона, нанесённого в голову (что чаще всего налагает на проверки атаки штраф -2).
- Даже не обладая Стремительностью, драугр движется с нечеловеческой быстротой. Его Скорость возрастает на +3 единицы.
- Укус драугра наносит аггравированный урон из-за сочетания биологического и мистического заражения.

Слабости драугра

- Каждый драугр связывает своё благополучие с наличием или отсутствием определённых элементов: например, один будет всегда оставаться в пределах дремучего леса, избегая шума больших городов, в то время как другой будет бояться святой воды. Вероятно, такая реакция связана с ослаблением его умственных функций. Какое-то эхо человеческой личности напоминает драугру о том, что вампиры должны бояться этого элемента, даже если это несколько не соответствует действительности. Столкнувшись с предметом своего страха, драугр получает штраф -3 на любые проверки до окончания сцены.
- Драугр почти не способен использовать сложные Дисциплины, основанные на вложении психической энергии. В то время как он может использовать Доминирование или Ясновидение в целях охоты, он точно забудет о Кольцах дракона, Круаке, Фивейском чародействе и, вероятно, многих других Дисциплинах, которые невозможно использовать для достижения результата здесь и сейчас.

Растущая ярость

Значит, драугром может стать только обладатель нулевой Человечности? Безусловно. Но только ли Гангрел? Как уже говорилось: нет. В мире встречаются драугры из числа Вентру, Мехет, Носферату и Дэва. Гангрел считаются более подходящими кандидатами на эту роль лишь по трём причинам:

- прежде всего, как уже отмечалось выше, Гангрел просто считают это состояние более нормальным, чем другие Проклятые
- Гангрел чаще блуждают между доменами и нередко видят драугров, ведущих завидное (в их глазах) существование за пределами политизированного общества Проклятых
- мудрые сиры рассказывают Дикарям о драуграх, чтобы напомнить им, почему вампиры считают Человечность величайшей из добродетелей – а не обычным препятствием на пути к утолению своих инстинктов.

